

АЛЕКСАНДР ШУШЕНЬКОВ

Чирик

1985–1991 годы оказались временем величайших исторических событий современности — подошла к концу история некогда могущественно и нерушимого Советского Союза. За эти несколько лет на огромной территории случились самые разнообразные и необычные события — как с обществом в целом, так и с отдельными людьми, а также — с главным героем повествования — 10-рублевой купюрой Чириком. Переходя из рук в руки, он стал невольным свидетелем и участником конца последней империи на Земле. Родившись в марте 85 года, он из молодого невинного хрустящего юноши превратился в одряхлевшего и разочаровавшегося в жизни денежного знака-старика. В финале повествования он покидает планету на корабле Пришельцев и отправляется в загадочный Космос навстречу Неизвестности.

Александр Шушеньков
ЧИРИК

**(сатирический роман-сказка о
временах перестройки,
ускорения и гласности)**

«Прощальным
костром догорает
эпоха...»

Юрий Шевчук

**ПРОЛОГ,
в котором происходит рождение
главного героя**

Это было давно. Очень давно. Да и было ли?...

Стояли первые весенние дни. Похмелившись с утра пораньше за Беринговым проливом, древнее рыжее Солнце вперевалку карабкалось на небосклон, чтобы выполнить обычную свою работу по освещению прикрепленного участка

Пространства. За миллионы лет этот труд порядком надоел Светилу, и оно давно бы послало все к черту, если бы... Если бы не возможность созерцать причудливые события, творящиеся внизу.

Громадная империя лежала у него под ногами, и столько дел происходило там, что не хватало глаз-лучей, чтобы проследить за всеми. Солнечный свет золотил величественные горные пики и ржавые люки баллистических ракет, собольи пирожки министров и драные ушанки зеков, черные щеки студентов из братских социалистических княжеств и красные носы героических строителей железнодорожной магистрали, чугунные скульптуры самого живого из всех живых и кирпичные трехбуквенные надписи на заборах, должностные глаза гаишников и вылинявшие стяги знамен, не снятых с прошедшего ноября. Солнечные лучи лезли под шинели толстощеких генералов и в проеденный молью плющ богобоязненных старух, в конуры отощавших за зиму собак и распутные студенческие общежития, в гигантские корпуса заводов по выпуску самых больших в мире микросхем и в пыльные амбары колхозов-миллионеров, в сверхсекретные архивы первых отделов и в головы важных должностных лиц.

Дрались во влажном теплом воздухе подгулявшие вороны, долбила по головам газетных

редакторов капель, напоминая о важности освещения подготовки к посевной, готовился и млад и стар отметить день международной женской солидарности...

В отделах сувениров, а еще больше — в винных, толкались хлопотливые товарищи с горстями банковских билетов, обеспеченных, как указывалось на них, золотым запасом. С южных территорий тянулись механические камазовские потоки рефрижераторов, набитые тюльпанами и прочими тычиночно-пестиковыми. Носатые щетинистые водители напряженно подсчитывали в уме четырех-, пятизначные цифры, и немало кур, равно как и уток, а также кошек и собак, оставили свои жизни под колесами в эти дни всеобщего ликования.

Империя просыпалась. В весенних лучах отражались лица, на которых было написано ожидание. Кто-то надеялся получить долгожданную квартиру. Кто-то, ощутив токи крови, готовился совершить сексуальные действия, мощью своею затмевающие достижения Казановы. Кто-то лелеял мечту о поступлении в институт международных отношений. Кто-то намеревался похоронить горячо любимую тещу. Кто-то планировал стать Генеральным секретарем... Древнее Светило с любопытством наблюдало за всей этой кутерьмой.

С большим успехом прошла кампания по выбору народных депутатов, собравшая 99,97 процентов голосов за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Куйбышевский избирательный округ отпраздновал победу выдающегося руководителя ленинского типа Константина Устиновича Черненко. Сам выдающийся явил себя подданным, обратившись с телеэкрана с краткой, но, как всегда, исключительно глубокой речью. Хорошо, сказал он возле урны для голосования, и, поддерживаемый соратниками, помахал народу рукой. Действительно, все было хорошо. Просто отлично! Были подведены итоги Всесоюзного социалистического соревнования за 1984 год, отразившие новые успехи в деле строительства коммунизма. Страна по призыву тружеников депо Москва-сортировочная разворачивала подготовку к дню рождения великого и гениального. Вручались призы женщинам-механизаторам за экономию дизельного топлива. Набирало обороты Всеармейское соцсоревнование под девизом «40-летию Великой победы, 27 съезду КПСС — наш самоотверженный ратный труд».

Жизнь была тугой гидрантной струей, и казалось, никакая сила не свернет общество с пути в светлое будущее; пути, вдоль которого, подобно придорожным столбам, нескончаемой вереницей

стояли памятники предпоследнему руководителю — пол-литровые бутылки по пять-пятьдесят.

В эти дни случилось в великой стране одно событие, ни для кого, кроме Солнца незаметное, а потому и не зафиксированное в светских хрониках и исторических документах, но которое, однако, послужило поводом к данному повествованию. Итак, в первых числах марта 1985 года на типографии Гознака родилась десятирублевая купюра «Бз 1289351». Червонец, или, как его потом чаще всего называли — Чирик. Кто принимал роды, какими были первые часы младенца в кампании таких же красненьких, красивеньких, хрустященьких детишек — неизвестно. Сам Чирик, когда подрос, как ни пытался восстановить в памяти начало жизни — не мог. Известно лишь, что он в тесной пачке братьев-близнецов прибыл на самолете в сибирский город Краснохренск, откуда был на инкассаторской машине доставлен к населенному пункту Кепкино, в штаб Управления начальника работ подполковника Концевича. И с этого момента началась его осмысленная трудовая жизнь.

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕСТРОЙКА

Глава 1, в которой Чирик попадает к майору

Питиримову и получает первые жизненные впечатления

Табачно-желтый указательный палец служащей советской армии кассирши Жук, известной в широких солдатских кругах под кличкой «Жучка», надорвал упаковку тысячерублевой пачки, и новенькие червонцы зашелестели, укладываясь в месячное жалованье майора Питиримова. Отсчитав тридцать пять бумажек, Жучка перешла на более мелкие купюры и закончила ответственную операцию звоном двадцати- и пятикопеечных монет:

— Распишитесь вот тут.

Синескулый Питиримов вздохнул тяжелым вздохом уставшего от жизни праведника, царапнул неразборчивую загогулину, сунул в карман ароматные ассигнации и вышел в мартовскую морозную тайгу. Вместе с другими собратьями Чирик погрузился в вонючую темноту, где в беспорядке лежали табачные крошки, коробок спичек производственного объединения «Гигант», замусоленный огрызок карандаша, рапорт рядового первой роты Шаромета об избиении его ефрейтором той же роты Попковым, да обширная статья о происках империалистов в братской Польше, вырезанная из «Красной звезды».

Неуютно было в кармане.

Майор Питиримов был заместителем по политчасти командира военно-строительного отряда капитана Кукрышевича. Майор Питиримов был женат. Майор Питиримов не пил и не курил. Впрочем, все это было несущественным. Главным было то, что майор Питиримов был законченным неудачником!

Всю жизнь, сколько майор себя помнил, на него непрерывным камнепадом сваливались мелкие и крупные пакости. Начались беды с самого момента зачатия. Темной ноябрьской ночью 1950 года, в самый ответственный момент творения, когда сперматозоид его папаши устремился в атаку на яйцеклетку мамыши, в дверь убогой питиримовской хибары тяжело и страшно ударили сапоги эмгэбэшников. В пять секунд трухлявая дверь разлетелась, и враг народа безродный космополит Иннокентий Питиримов был оторван от дражайшей супруги в чем мать родила. Больше его не видели.

И пошло, поехало, поплыло! Будущий майор родился недоноском и данный факт настолько его огорчил, что первое слово — Ленин — он произнес только в четыре года. Удары обрушивались на него непрерывно: то это был насморк с подозрением на сифилис, то обвалившийся балкон, то треснувший ночной горшок, то деревенский индюк-террорист, то озверевшая пчела... К шести годам Питиримов

успел переломать все свои конечности, ему вырезали аппендикс и несколько грыж, он прошел курсы лечения у логопеда и гипнотизера, а также приобрел среди сверстников стойкую репутацию того, кто «прудит в постель». В школе беды стали масштабнее. Если Питиримов мастерил рогатку, то именно из нее почему-то попадал камень в лозунг «Учиться, учиться, учиться Владимир Ильич завещал!» Если он катался на лифте, то лифт обязательно застревал на двенадцатом этаже, из-за чего соседу — работнику совнархоза приходилось опаздывать на совещание по проблемам повышения удоев. А хроническая тупость восстановила против него весь учительский коллектив и не способствовала авторитету среди одноклассников. Несколько раз он оставался на второй год. Промучившись до пятого класса, мать с помощью взятки пристроила его в суворовское училище. Так Питиримов попал в армию. Здесь беды задули над его головой ураганными ветрами в виде бесчисленных гауптвахт, проваленных зачетов, пинков со стороны старшекурсников и зуботычин старшины.

— Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего! — сокрушался тот, объявляя Питиримову очередной внеочередной наряд.

Не перечислить, сколько квадратных километров полов вымыл юный Питиримов,

сколько экваторных лент картофельной кожуры он срезал, и сколько чаш Генуи очистил. На учебных стрельбах он, вместо того, чтобы поразить мишень, с непостижимой точностью ухитрился попасть в стакан водки, который по случаю поднимал приехавший с инспекцией московский генерал Исчихаев. Во время первой практики в войсках исключительно благодаря Питиримову было утеряно знамя части, в которой он эту практику проходил. Начальник училища рвал на своей голове последние волосы, но ничего не мог сделать с проклятым недоноском. Более того, он требовал от подчиненных преподавателей, чтобы те ставили злополучному бездарю отличные отметки. И все потому, что Питиримов приглянулся безобразной дочке генерал-майора Мотни — начальника местного гарнизона. Дочка и впрямь была не подарок: к рыбьей костлявости имела еще лупоглазые глазищи, да исполинскую заячью губу. Неудивительно, что все нормальные молодые люди норовили как можно меньше находиться в ее обществе. А Питиримов... что ж Питиримов... ему и эта была за счастье.

Да, он был туп. Да, невезуч. Да, замухрышист. Но зато — робок и исполнительен. Можно сказать, что не он женился, а генеральская дочка взяла его в мужа на последнем курсе.

Сразу после суворовского Питиримов, как

лучший курсант, был направлен на продолжение учебы в московское высшее общевойсковое командное училище. Он переехал в Москву, прихватив с собой жену и несчастья. Причем теперь они стали перекидываться и на окружающих. Так, в первый же день учебы Питиримова, сломалась ножка стула у начальника его курса полковника Зубова, и тот упал на пол с прокушенным языком, так и не успев разъяснить курсантам истинно народный характер Советской Армии. Через неделю после этого случая была застигнута во время любовных игр с курсантом жена старшего преподавателя кафедры научного коммунизма. Под Новый год повесился начфин, обвиненный в растрате казенных денег. Затем у самого Питиримова украли из тумбочки лезвие «Спутник». А еще был пожар на складе боеприпасов, эпидемия дизентерии на показательных маневрах, избиение Питиримова на танцах во время празднования Дня Советской армии и военно-морского флота, выкидыш у жены его Екатерины, советско-китайский конфликт на Дальнем Востоке... Другой бы на его месте давно уже утопился, или, хотя бы бросился под поезд, но Питиримов мужественно нес свой крест. В этом помогала боевая подруга-жена, и ее отец, приобретающий все большее влияние в Министерстве обороны. Благодаря ему, после

окончания училища (и тоже, заметим, с отличными отметками!) Питиримов был направлен служить в Группу советских войск в Германии. Да не куда-нибудь, а в «маленькую Москву» Вюнсдорф — место дислокации командования Группы. Он попал на непыльную должность в отдел кадров танкового полка. Казалось — кончились несчастья! Вот она, заслуженная награда за тягостные годы. Примерно месяц они с Екатериной наслаждались прелестями нелегкой службы на передовом рубеже социализма: пили пиво в соседнем Цоссене, ездили на выходные в Потсдам (хоть это и воспрещалось категорически!) полюбоваться красотами Сан-Суси. Один раз даже удалось смотаться на диковинной двухэтажной электричке до Шенефельда, и оттуда — в сам Берлин! И все кончалось благополучно. Питиримов постепенно проникался состоянием довольства. В тот злопамятный день он нес портфель с секретной отчетностью о количестве вензаболеваний в полку. Путь был недалекий — вдоль «берлинки» до штаба Группы. День был хорош, как никогда. Залюбовавшись хвойным леском, что тянулся между автострадой и железнодорожным полотном, он припомнил разговоры полковых офицеров о большом количестве грибов, что произрастают там. И коварный Рок своими палачьими лапами потащил молодого «летюху» в сторону от штаба. Само собой

разумеется, что грибы были. Великолепные подосиновики. Грузди. Опята. И само-собой, Питиримов поставил портфель под сосной, и кинулся рвать дары тевтонской природы. А дальше случилось то, что и должно было случиться: портфель волшебным образом потерялся! Но беда не приходит одна. В тот же день далеко-далеко, при охоте на сайгаков вблизи испытательного ракетного полигона на станции Эмба, был смертельно ранен тесть — генерал-лейтенант Мотня, и через неделю он ушел из жизни, оставив после себя пару десятков наградных знаков, квартиру в Москве, жену, собаку таксу, да костлявую лупоглазую дочь с неудачником-мужем.

Отныне и на веки веков Питиримов был приговорен к службе в самых отвратительных местах. И в войсках, которые иронически назывались «королевскими». Он кочевал с места на место, меняя части и теряя веру в то, что хоть когда-нибудь сможет жить, как нормальный человек: в квартире, а не в вагончике или бараке. В последнее время, однако, череда неудач слегка отступила, если не считать сгоревшего цветного телевизора «Рубин» да смерти любимой тещи от консервов «Завтрак туриста». Питиримов занял должность замполита. Все постепенно шло на лад, он уже начал подумывать, что тягостное родовое проклятье отпустило его, уже стал штудировать

книгу «Малая земля», пытаюсь понять, как простой полковник — тоже, кстати, замполит! — смог стать генеральным секретарем... И тут последовал новый удар! Вчера поздно ночью, находясь при исполнении караульных обязанностей, рядовой третьей роты Андудлаев совершил гнуснейший акт полового извращения, грозящий пошатнуть помыслы воспрянувшего майора: изнасиловал бесхозную собаку неустановленной породы. Уличенный служащим советской армии сварщиком Акипним, Андудлаев попытался сначала, пользуясь его (сварщика) нетрезвым состоянием, убежать, а потом, преследуемый сварщиком, напал на последнего и нанес ему побои, значительно изменившие форму лица.

... Выйдя из штабного барака, Питиримов поправил козырек блинообразной обвислой фуражки и придал лицу грозное выражение, отчего нос его, похожий на грачий клюв, еще более заострился, а губы превратились в две тонкие фиолетовые полосы. Его путь лежал в оружейную комнату третьей роты, где среди учебных карабинов со спиленными бойками томился проклятый извращенец. Майор злобно плюнул в почерневший сугроб. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Он с омерзительной отчетливостью представил картину происшедшего. Рота военных строителей, в морозной тайге ударными темпами

возводящая шахту пусковой установки. Промерзшая насквозь казарма... Вечно пьяный старшина Жук... Ночь... Скотина Андуллаев стоит на посту около шахты... Собака... Голодная, небось, стерва! А у Андуллаева, конечно же — корочка хлеба... Иди сюда, моя хорошая! У-тю-тю-тю-тю!.. И — цап ее!!! И веревкой — к дереву! Ах ты, сволочь! Он шел по узкой неровной тропинке, обильно помеченной по обеим сторонам желтыми пятнами, исторгнутыми из солдатских мочевых пузырей, и постепенно распался все сильнее и сильнее. Мало того, что он вынужден вместе с бездетной скрягой-женой ютиться в паршивом клоповном бараке и подвергаться каждодневной опасности быть укушенным в уборной голодной и наглой крысой; мало того, что постоянно гаснет свет и невозможно как следует проработать текст «Малой земли»; мало того, что подлые лейтенанты-двухгодючники чуть ли не в открытую смеются над его субботними занятиями по их же, мерзавцев, политподготовке, называя занятия «проповедями отца Питирима»... Так еще курва Андуллаев подложил, будучи, между прочим мусульманином, этакую свинью!..

Майор прибавил шагу. Снег хрустел под ногами.

Вокруг из сугробов торчали ободранные деревья. Прямо по курсу шевелилась «воины

ислама», облепившие поваленное дерево и рубящие на нем сучья. Левее желтели бревнами стены возводимого солдатского клуба, за которыми виднелся остов сгоревшего вагончика, ЦУБа — цельнометаллического унифицированного блока. Плотная пелена черного дыма шла справа, где солдаты разогревали битум. Картину дополняли ангельски-голубое небо и ярчайшее солнце, бьющее лучом прямо в немигающий глаз замполита.

— Товарищ майор!

Сзади нескладными прыжками приближался очкастый толстощекий урод с физиономией гидроцефала — помощник дежурного по части прапорщик Мамонтов. Питиримов величественно обернулся. Он ненавидел Мамонтова, хотя сам не знал за что. Впрочем, это и неважно, как говорится «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

— Что случилось, прапорщик?

— Звонили из политотдела. Велели немедленно прийти.

Так! Доигрался хер на скрипке! Уже донесли, скоты! Впрочем, чему удивляться — кругом интриганы и твари. Какая-то падла пронюхала про несчастную собаку и накапала Пучилову. Очень даже просто. Но кто?! О происшествии пока знали только сексманьяк; сварщик, его застукавший; командир его же роты Отребьенко, да сам Питиримов. Может, кто еще?... Все эти мысли

вихрем проскочили по немногочисленным извилинам замполита, и, сбившись пугливой стайкой в районе переносицы, просочились на язык хриплым вопросом:

— Зачем?

Ощущая себя безмерно виноватым, Мамонтов отвел глаза в сторону. Он не знал. Да и кто ему, простому прапорщику советской армии, будет докладывать оттуда, из политотдела, зачем нужен замполит Питиримов?

Мамонтов угрюмо повторил:

— Сказали, чтоб немедленно прибыли.

— Ясно...

Действительно, все было ясно! Не ясно было только, что с ним теперь сделают. Пошлют на Камчатку? Снова понизят до заместителя командира роты? Лишат партбилета?...

Питиримов похолодел. Если лишат его, родимого — это все, пиши пропало! А ведь могут — дело уж больно... того... из ряда вон. Скажут, что ж, мол, товарищ майор, не занимаетесь работой с личным составом? Не проводите партийно-политическую работу? Вместо того, чтобы сверхплановые шахты пускать, собак дрючите? В то время, как, понимаешь, вся Западная Европа «першингами» и крылатыми ракетами, как спина у ежа утыкана? Когда над нашими головами лазеры запускают? А в Афганистане, мать вашу,

трудности с ограниченным контингентом? Поди, сволочь Лепок еще воды подольет, подумал Питиримов про партсекретаря своей части капитана Лепкова, попутно бывшего начальником службы вещевого снабжения. У них сложились неясные отношения, потому как ни тот, ни другой толком не представляли границ своих полномочий: вроде, оба были проводниками линии партии..., но по должности Лепков подчинялся Питиримову, а по положению получалось, что он, Лепок, вроде как его старший партийный товарищ, и, стало быть, руководитель... И потому, ревниво относясь друг к другу, оба идейных вождя пытались подстраивать мелкие пакости... Так, в пределах, допускаемых Уставом КПСС. Вот, бляха, беда так беда!

В штабе УИРа, где располагался страшный пучиловский политотдел, майор обнаружил необычную нервозность и сумятицу. По коридору озабоченно перемещались офицеры соседних частей. Шелестели негромкие, без обычного матерка разговоры, гулко топали сапоги... Питиримов понял, что сбываются его самые мрачные предчувствия. Все, это конец! На его примере, видно решили преподать урок всем остальным — чтоб неповадно было! Ишь, народу понагнали! Похоже, в званьи понизят... А вдруг, какую статью пришьют?! С них станется! Что им один майор, да к тому же — неудачник? Может,

они давно под него копали, да повода не было? А ведь копали, точно копали!.. В прошлом году, когда он, будучи начальником патруля, устроил охоту на барачных крыс, Пучилов орал: «Еще только один такой случай, и я вас разжалую!» К чему прикопался, гад — всего-то ранили одну бабу во время отправления ею естественных надобностей! Да и за утопленный в Енисее узик по головке не погладили... Лепок, скотина... его работа!

В кабинете начальника политотдела было тесно, как в дамской сумочке. Стулья трещали под раскормленными тушами майоров и подполковников. Изредка виднелись капитанские погоны. У стены под портретом Ленина сидел сам полковник Пучилов. Глаза его из под очков смотрели на окружающих добродушным взглядом законченного кретина. Впрочем, умственное состояние главного идеолога УИРа вполне устраивало командование. Питиримов присел на свободное место рядом с майором Данильчиком — начальником штаба мехбатальона (или «мазуты», как называли сие подразделение офицеры кепкинского гарнизона). Данильчик безмятежно очищал от солидола правое галифе. Похоже, его совершенно не волновала политотдельская суэта.

— Прошу тишины! — Пучилов встал и сделал эффектную паузу. Помещение зазвенело кладбищенским молчанием, лишь урчал живот

голодного партсекретаря автобатальона капитана Тродского. Сердце Пителимова было готово взорваться. Он плохо соображал, что происходит, и пытался сосредоточиться, рассматривая лозунг «Учится военному делу настоящим образом».

— ...сообщение из Москвы от вышестоящего командования, — доносился до Пителимова деревянный голос Пучилова. — Вчера на боевом посту скончался после продолжительной болезни величайший ленинец и интернационалист, Генеральный секретарь нашей партии Константин Устинович Черненко. Как истинный коммунист, на боевом посту!

Что? Кто-то умер? Черненко? И по этому поводу все собрались? Пителимов медленно возвращался к жизни. Так значит, их собрали не из-за Андуллаева и его любовницы? Гос-с-споди! Это как же?...

Начальник политотдела сделал новую паузу и с подозрением уставился в окаменевшие лица подчиненных. Он остановил свой взор на майоре Пителимове, с живейшим любопытством созерцающем лозунг на стене. Будто увидел впервые. С каким быдлом приходится работать, вздохнул Пучилов и продолжил:

— ...усилить политическую бдительность перед лицом возможных провокаций со стороны мирового империализма. Суровое испытание,

постигшее страну...

Так...так...так...Вот так фокус! Вот так Черненко! Да, как кстати все подвернулось! — стал расцветать Питиримов.

— ...еще теснее сплотиться вокруг родной коммунистической партии...

Что же это они такие хлипкие... Болезненные? Один... второй... третий... Не напасешься!

— ...довести под роспись до личного состава, списки сдать непосредственно заместителям командиров частей и завтра лично предоставить мне в трех экземплярах...Майор Питиримов, Вы чего разулыбались? Или Вас не трогает безвременная гибель Генерального секретаря? — гневный палец Пучилова устремился на расплывшееся лицо неудачника-замполита.

— Никак нет! — Питиримов с готовностью вскочил, скорчив максимально грустную гримасу. — Скорблю со всем советским народом!

— Вижу, как скорбите! Сияете, будто олимпийский рубль! А, между прочим, сверхплановый пуск шахты срываете! — Тут Пучилов отвлекся от кончины генсека и перекинулся к вещам более прозаическим. — Вообще, хочу особо подчеркнуть халатное исполнение многими офицерами своих обязанностей! В частности, у вас же, Питиримов, дежурный по части лейтенант Задрыга был пьян во

время исполнения! Это безобразие! Я пришел инспектировать отряд, а он — лыка не вяжет!

— Это он от горя, — попытался объясниться Пителимов. — У него в роте тридцать пять судимых, и все пьют... вот он и не сдержался.

— Это вы бросьте! Мало ли сколько зеков... Это ничего не значит. Вернее, значит одно: плохая политико-воспитательная работа. Ваша работа, товарищ майор!

— Да я...

— Хватит! — ударил ладонью по столу Пучилов. — Мне сорок пять лет, а я с женой живу в прорабке, сплошь заставленной мебелью, телевизор пришлось к потолку прикручивать, и не жалуюсь! А вы только пьянствовать мастера.

Ну, трепло, воскликнул про себя Пителимов. Как будто никто не знает, как сам закладывает по вечерам. А что в вагончике живет, тоже понятно — ждет, когда трехкомнатный финский домик сварганят. Ну и жучяра!

Пучилов между тем потерял нить совещания, а потому снова начал говорить о безвременной кончине, о необходимости сплотиться, о повышении бдительности перед лицом вероятного противника... Пителимов сел, не веря своему счастью.

...В этот день майор впервые напился. Купив в ближайшей деревне Кепкино бутылку вонючего

питьевого спирта по пять-пятьдесят, он развел его таежным снегом, и по пути в часть, тайком от всех выпил двести грамм, непрерывно икая, и хватая воздух непривычным к спиртному ртом. Он знал, что все беды позади. Смерть генсека делала мелким и ничтожным эпизод с изнасилованной собакой, выдвигая на передний план проведение разъяснительной работы и сплочение личного состава перед лицом агрессивного блока НАТО. Впереди были собрания, совещания, митинги, почины и планы.

— Но если я из такого положения вывернулся... — пьяно бормотал замполит по дороге домой среди сгустившейся весенней ночи, — так из любой беды выскользну! Все, баста! Кончились беды... прощай... люби-и-имый город...! Малая земля... великие дела-а-а...!

В час ночи, подходя к своему бараку, Питиримов обнаружил лежащее посреди тропинки бесчувственное тело, облаченное в офицерскую шинель с новенькими погонами старшего лейтенанта. Под влиянием теплых чувств он приподнял его, и спросил:

— Ты где живешь-то?

Поднятый офицер оказался в стельку пьяным и ответил вопросом:

— Рупь взаймы дашь?

— Рупь? Милый, да хоть пятерку! Хоть

десятку! Для хорошего человека не жалко! Бери! Все бери! — с этими словами замполит выхватил из кармана пачку червонцев и сунул их в руки старлея, после чего, окончательно умиротворенный, вошел в барак.

Последние слова, которые слышал Чирик от своего первого хозяина, были:

— Дор-р-огу генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Питиримовууу!

Глава 2, в которой Чирик узнает, кто такие «двухгадючники»

Старший лейтенант Глызов проснулся от чудовищного холода. Было темно и тихо, как в утонувшей подлодке. Он, не торопясь приходил в сознание, каким-то шестым чувством понимая, что ничего хорошего это не принесет. Постепенно Глызов уяснил, что лежит на чем-то жестком (очевидно — на полу), что на нем имеются ушанка, шинель и валенки, что в руке у него зажата пачка каких-то бумажек, и что вообще он — чертовски пьян. Да, какое там чертовски — просто «в дупель»! И тут вспомнилось вчерашнее...

Вова Глызов был призван в армию сразу после окончания строительного института в благословенном и теплом русском городе Воронеже

пару лет назад. Шутница Судьба бросила зеленого, как майский помидор, Вовочку в суровую действительность стройбата, дав ему лейтенантские звезды, должность прораба сантехнического участка и безграничные возможности для знакомства со «школой жизни», как когда-то образно выразился знаменитый писатель-маршал. Наивный Вова, знакомый с доблестными вооруженными силами до сих пор только по фильмам «Чапаев», «Небесный тихоход», «Освобождение» и «В зоне особого внимания», со всем энтузиазмом и чистотой помыслов устремился крепить оборонное могущество социалистической Родины. Его не смущало, что он — сантехник, а не командир танка. Ничего, что его оружие — унитазаы с косым и прямым выпуском, а не водородные ракеты. Пусть вместо рева реактивных двигателей он должен слушать рев воды, выпускаемой из смывных бачков! Не место, как известно, красит человека, а человек — место, пусть даже оно находится в батальонной уборной! Вова ехал к месту дислокации, и лежа на верхней полке купейного вагона смотрел захватывающие сны об уничтожении блока НАТО при помощи новаторского подхода к выгребным ямам. Перед его мысленным взором необозримыми шеренгами, словно танки на параде, двигались мезанизированные помывочные пункты, покрытые

особым сверхсекретным сплавом. Могучие самоходные урины, подобно легендарным «Катюшам», обрушивали на головы вероятного противника залпы смертоносных мочевых масс. Сверху, с реактивных истребителей-бомбардировщиков Су-76, на оставшихся в живых милитаристов из титаново-молибденовых сопл били многоатмосферные струи кипящей воды, предварительно основательно прохлорированные для большего эффекта...

Начальник отдела кадров капитан Блинохвостов сразу понял, что перед ним клинический случай, а потому, не мудрствуя лукаво, определил Петра в УНР подполковника Гнусавого. Там уже проходили службу полтора десятка офицеров запаса, оторванных на два года (отсюда и название — «двухгодичники», или, как выражались кадровые военные — «двухгадючники») от мирного созидательного труда. Смыслом существования этих граждан было одно — любыми путями дотянуть до конца срока.

В первый же день, отмечая вступление в славный офицерский корпус, Глызов, до того никогда не употреблявший ничего крепче жигулевского пива, напился рома «Негро», в результате чего оказался сгоревшим ЦУБ некоего бесхозного прапорщика Протыкуна. Куда потом

делся сам Протыкун, никто не знал, зато Владимир приобрел репутацию настоящего гусара. Его поселили с тремя такими же штатскими проходимцами-лейтенантами: энергетиком Варданяном, прорабом Гулько и мастером Горой в вагончике, ранее служившим для солдат уборной, что идеалист Глызов воспринял как издевательство над своими помыслами. Запах, стойкий, несмотря на постоянную чистку вагончика, грубо давал понять, что жизнь — отнюдь не газетный очерк из «Красной звезды». И даже не передача «Служу Советскому Союзу». И вообще: прожить ее — не поле перейти!

Действительность была уныла, как морда столетней коровы. Каждое утро Глызов ни свет, ни заря тащился на планерку к командиру части Гнусавому. Планерки были на редкость однообразны и вызывали в памяти картину «Иван Грозный убивает своего сына», причем в роли несчастного отпрыска монарха поочередно пребывали все офицеры, в том числе и Глызов. Причина была одна — невыполнение планов, намеченных на вчерашней вечерней планерке. Выходя через час из кабинета командира части, офицеры думали только об одном — пойти и застрелиться. Но, поскольку дисциплина не позволяла совершить столь дерзкий поступок, да и оружия у них не было, приходилось идти в

Кепкино, брать там пузырь и...К обеду половина офицеров части, подняв себе настроение, истово принималась выполнять план, а вторая половина была озабочена тем, в чьей компании провести вечер после службы.

УНР Гнусавого, как и другие УНРы Концевича, был занят архиважным государственным делом — возводил в обход Договора об ограничении стратегических вооружений новые шахты для ракетной дивизии. Примерно пятнадцать тысяч человек были заброшены морозной прошлогодней осенью в глухую краснохренскую тайгу, и, подобно легендарным строителям Комсомольска-на-Амуре, подвергнуты эксперименту на выживание. Солдаты — запуганные обовшивевшие существа, в подавляющем большинстве призванные из южных республик — обитали в палатках и казармах. Офицеры жили вместе с семьями в вагончиках-прорабках и наспех выстроенных бараках. Быт, в котором существовали кузнецы самого совершенного советского оружия, отнюдь не способствовал их нравственному совершенствованию. Скорее — наоборот.

Пили все. У Глызова было два начальника — два кадровых капитана-сантехника: Милюкбаум и Киро. В отличие от Глызова, они не могли рассчитывать вырваться из проклятой

краснохренской тайги в ближайшие пятнадцать лет (пока не уйдут на пенсию), и потому их помыслы направлялись на одно — свалить все дела на молодого лейтенанта. В сущности, тот еще не утратил первоначального энтузиазма, и при соответствующих условиях опять мог бы вернуться к давним идеям водопроводно-канализационной стратегии. Однако этому мешало одно обстоятельство. Вернее — два. Даже — три: Варданян, Гулько и Гора. Складывалась патовая ситуация: как только Владимир намеревался заняться серьезным делом, у одного из трех его сожителей немедленно возникал неотложный повод «принять на грудь». Разумеется, Глызов, который дорожил репутацией гусара, не мог отказать, в результате чего все благие помыслы летели к чертям под хвост, план ввода коллектора оказывался сорванным, а в кепкинском клубе снова под скрежет старой радиолы отплясывала гопака мешковатая фигура в валенках. На следующее утро Глызов, ощущая сильнейшие угрызения совести, принимал твердое решение окончательно бросит пить, но...

Подполковник Гнусавый был замордован «двухгадючниками» до предела. Он знал, что его УНР самый паршивый по дисциплине во всем УИРе, он знал, что по этой причине из отдела кадров ему направляется всякий штатский сброд, и

он знал также, что до тех пор, пока этот сброд будет к нему направляться, дисциплина в подчиненной части не повысится. Это был заколдованный круг! Он проклинал всех и вся: капитана Блинохвостова — за козни, начальника политотдела Пучилова — за разносы, подчиненных — за алкоголизм, солдат — за ленность и склонность к побегам, жену — за то, что она жена...

Проклятый Глызов доканал подполковника! Каждое утро на планерке негодяй клялся и божился, что уж сегодня-то... сегодня он..., но наступал вечер, и два капитана-сантехника снова являлись к нему в кабинет с жалобами на лейтенанта. От Глызова надо было избавляться немедленно, подполковник спал и во сне видел приказ министра обороны на увольнение негодяя. Но сначала ему пришлось отправить в министерство документы на присвоение Глызову очередного воинского звания — старший лейтенант. Проклятая система! Гнусавый был вне себя: ему приходилось в представлении писать хвалебную характеристику тому, кто выпил у него крови больше, чем Рейган со всей своей СОИ! В противном случае вышестоящие, да хотя бы и тот же Пучилов, непременно стали бы допытываться, почему нет представления? Что, не достоин? Значит, не работаете, не воспитываете состав, товарищ подполковник?!

Таким образом, злостный нарушитель Глызов был представлен к очередному воинскому званию, получил его, и, разумеется, чтобы не ударить в грязь лицом, организовал грандиозную попойку. Он пригласил на нее всех, включая и Гнусавого, мерзавец!

...Владимир окончательно пришел в себя. Теперь нужно было встать, желательно ничего не разбив. Путаясь в длинных полах парадной шинели, новоиспеченный старлей стал молча залезать в зловещем мраке спящего ЦУБа на продавленную металлическую кровать. Мягкую пачку он сунул в карман.

— А-а!!!

От испуга Глызов громко упал. На его кровати, похоже, притаилось какое-то существо, причем, судя по голосу, оно принадлежало к прекрасной половине человечества.

— Кто здесь? — обмирая, спросил он.

— Вов, ты? — ответило пьяным бабьим смешком. — Хи-хи, ишь, напугал!

— Да ты кто? — снова стал подниматься Глызов.

— Да я это, Зина! Че, не помнишь?

— Какая еще Зина?

— Да, столовская... Посудомойка...

— Зинка???

И Глызов вспомнил все! Как покупал в

продмаге бутылки спирта, как рассаживались в кильдымчике-мастерской среди торчащих труб и фасонины, как вся компания орала ему «До дна, до дна, сука!» когда он пил из граненого, на дне которого блестела тусклым светом звездочка. Потом был второй стакан, тосты за звание и скорый дембель, драка старика Еремеева с бухгалтером Матеем, пьяные вопли энергетика Варданяна «А я вам ответственно говорю, что самое лучшее освещение — это естественное!», порванная шуба служащей СА нормировщицы Людочки, разбросанная по причине сладкого вкуса пайковая картошка... Потом отправились провожать всем обществом перепившего седовласого майора Трегубовича, вдруг внезапно перед домом поскользнувшегося и упавшего всеми орденами в мазутно-вонючую кучу (кстати, почему он оказался без шинели?)... Далее в воспоминаниях обнаружился провал... а затем Глызов отчетливо увидел себя таскающим за грудки Варданяна, и кричащим при этом «Будешь еще жрать общую сгущенку, пидор?! Будешь???» Варданян мотался, как тряпичная кукла и норовил сползти по стенке... кепкинского клуба.

Да-да, дело уже происходило в клубе!.. Какой-то вертлявый густоволосый старик тряс перед носом Глызова черным ветхим комбинезоном, показывал трехцветный шеврон на

рукаве, дескать, тоже воевал... Ах, да, он же бывший власовец, сосланный в Сибирь, дед Прокоп! Дальше... А дальше появилась Надюша вместе с Челюстью — посудомойкой кепкинской столовой, горбатой и крайне непривлекательной личностью с характерным выступом лица. Владимир попытался подъехать к Надьке, да она, тварь позорная, хоть и прожженная шлюха, а проигнорировала... Стало быть, он вместо Надьки на Челюсть клюнул! Ах, как все погано!.. Дальше опять был провал, и как очутился в ЦУБе Глызов уже не помнил. Интересно, успел ли он...? Завязывать надо с выпивкой, вот что!

— Ты че молчишь? — словно прочтя его мысли, жарко зашептала Челюсть.

— Ложись, я подвинусь!

Глызов сидел на кровати, обхватив голову руками.

— Вов, а когда в Воронеж поедет? — загозила взволнованно посудомойка. — Иль передумал?

Ее голос дрогнул. Ну, дела! В Воронеж собралась, образина! Что ж такое дается! Неужто...? Надо выпить! Глызов ощупью пробрался к выключателю. Тусклый свет ударил по глазам, рисуя до боли родную картину быта четырех холостых офицеров: заплеванной грязный пол, покрытый окурками, кучу пустых бутылок под

откидным столиком и останки красной рыбы на нем, четыре металлические древние кровати с четырьмя же укрытыми синими одеялами телами, цветные фотографии голых баб над кроватью Варданяна, валенки, в беспорядке теснящиеся при входе... Все лежащие, кроме Челюсти, обосновавшейся на кровати Глызова, спали мертвецким сном пропойц, а ненавистная посудомойка тарасила на старлея налитые кровью глаза и продолжала жалобно вопрошать:

— Разлюбил, че ли?

Нет, пить надо бросать пока не поздно, а то такие дела... Но какого хрена такая холодрыга, невопад подумал Глызов. Ислотов, что ли уснул? Он выскочил за дверцу спального отделения, в кухоньку. Там был уже натуральный колотун, а дальше, в прихожей (где обязан был находиться рядовой Ислотов, истопник, и где находился источник жизненной энергии ЦУБа — насос «Ручеек» с отопительным котлом) была Сибирь в чистом виде. Ислотова, скотины, не было.

Разморозил систему, гад! И где сам — неизвестно. Тэк-с, тэк-с... А эти — спят! И хоть бы что! За все он должен отвечать, за сантехнику, за паек, за приготовление пищи, за спирт. Он выскочил за дверь ЦУБа и заорал со ступенек в морозную ночь:

— Иссссссссломооооооооооов!

Иссссссссссслллллллломоов, ссссссссучье
вымяяяя!!!

Ветер рванул полу шинели, и в восковом свете луны прораб стал похож на древнего шамана, вызывающего духа зла. Но никто не откликнулся на его призыв. Мрачно-неподвижно стояли обсыпанные снегом деревья, мрачно-неподвижно торчали среди них круглые бочки ЦУБОВ, и только где-то далеко-далеко выла собака.

Черт с вами, подумал Петр. Не хотите — не надо. Впрочем, чего не хотят, и кто, было неясно и ему самому. Зато совершенно ясно стало, что дембель его рядом, что он уже — не зеленый юнец, а боевой офицер, и не к лицу ему суетиться из-за таких пустяков, как размороженная отопительная система. Или этой образины в постели! Хоть и образина, а с ней — теплее! Еще спиртику накатить... А эти пускай суетятся! Как-никак, на соседней койке дрыхнет главный энергетик части — вот пусть и заботится об энергии! Как говорится: «запомни сам — скажи другому: чем больше спишь — тем ближе к дому!»

Глызов вытащил из кухонного шкафчика бутылку и направился к Челюсти. Главное — выпить, и сразу закрыть глаза! Кстати, что это были за бумажки?

Глызовская рука погрузилась в карман шинели. Здесь в полном беспорядке лежали

червонцы, которые бедовый Питиримов вручил накануне Глызову у входа в барак, где старлей отстал от Челюсти. Глызов наугад выхватил несколько бумажек и обомлел. По его подсчетам выходило, что ни осталось ни рубля, и вдруг этакое чудо! Есть, есть видно Бог еще на свете! Откуда они? А и неважно. Есть и хорошо. И славно! Да ведь как кстати! Значит, днем можно будет поправить организм. Но вообще-то пора и завязывать — скоро мирная жизнь, культура, теплая квартира с ванной... Вот только проводы еще устроить на уровне. Глызов пересчитал деньги.

Триста десять! Вот это да! Это ж сколько спирта набрать можно будет... Настроение мгновенно повысилось. Забыв про размороженные трубы, Владимир спрятал деньги во внутренний карман кителя, налил в кружку, выпил, потушил свет, и, зажмурив глаза, полез к раскинувшей жаркие пьяные объятья Челюсти, твердо намереваясь бросить пить с завтрашнего дня...

Утром, когда несчастный Исломов, наворовавший за ночь вязанку дров, пытался развести огонь в котле, из спального отделения вылез закоченевший старший лейтенант-сантехник, и, передав ему новенькую десятирублевую купюру, прохрипел:

— Кончай херней заниматься — трубы все равно полопались! Пока дрова искал, все

позамерзло. Давай-ка лучше, братец, найди мне бутылёк... Сдачу можешь оставить!

Глава 3, в которой Чирик познает нелегкую солдатскую жизнь

Сунув Чирика в карман рваной грязно-желтой телогрейки, рядовой Исломов вылез из провонявшего дымом ЦУБа и зашагал в темноте к вагончику инженера по технике безопасности сорокалетней Светлане Александровне Прохвальчук. Идти приходилось осторожно, чтобы не нарваться ненароком на случайный патруль или подгулявшего прапорщика. Офицеры, как показывал опыт, не обращали на него внимания. Надо отметить, что Исломов не был нарушителем воинской дисциплины и честно отработывал обязанности истопника. Он круглые сутки находился в ЦУБе, исправно поддерживая в нем температуру, что было совершенно необходимо, поскольку жильцы-офицеры днем отсутствовали, находясь на службе, а ночью спали. Ввод централизованной котельной еще только планировался, да и невозможно было подвести от нее к каждому вагончику теплопровод, тем более, что они постепенно должны были заменяться бараками. Таким образом он, и сотни других ему

подобных, денно и ночью лазили по жилому городку и окрестной тайге в поисках дров, вливаясь в состав своих рот только на время приема пищи. Все было законно, и в то же время, все было незаконно! Незаконно, потому что ни одно штатное расписание не предусматривало должностей солдат-истопников вагончиков и все эти исломовы, хабибуллины и магомедовы должны были трудиться вместе с отделениями на производстве, ковать, так сказать, ракетно-ядерный щит страны. Все, начиная от начальника УИРа полковника Концевича до самого последнего, официально признанного дебилом рядового Километа, понимали, что это неправильно, что так быть не должно, что сибирская тайга и вагончик-прорабка, переоборудованный под жилье — вещи несовместимые... Но по-прежнему истопники числились малярами, сантехниками, каменщиками и состояли в списках производственных бригад, по-прежнему нормировщики рассчитывали объемы работ исходя из мнимого числа работающих, и по-прежнему считалось, что всякий солдат, находящийся на территории жилгородка без пропуска, является нарушителем. При всем при том пропуска, естественно, никому не выдавались.

Исломов двигался короткими перебежками, как боец во время атаки. Было раннее утро, и в большинстве вагончиков еще не зажегся свет. Тем

не менее его осторожный глаз углядел во тьме небольшие группки солдат, крепящих флаги на отдельных возвышающихся строениях. Он напряг извилины, пытаясь сообразить, что за праздник предстоит отмечать, но так и не вспомнил, поскольку прямо на него вдруг вылезла из сугроба, застегивая штаны, здоровенная фигура прапорщика Лавреньева, известного в округе под прозвищем «король барак». Исломов рванул вбок, провалился в сугроб, юлой прокатился по откосу под прикрытие густых елок, обмирая и поминая Аллаха... Издалека донесся сиплый голос прапорщика:

— Флаги вешают... Вот так-то, Костик, отжил свое!

Кажется пронесло! До вагончика Прохвальчук осталось ходу минуты две. Исломов стал под деревом отдышаться...

Еще полгода назад он жил не тужил в горах горного Бадахшана на пастбище у отца Саида, играл на скрипке и верил, что жизнь прекрасна и удивительна. Мирно жевали траву овцы, ласково улыбался отец, дедушка Ширали угощал его молодым вином... Но в один черный день прилетел вертолет, из него вылез небритый и злой майор Азизов и райской жизни пришел конец. Как ни уговаривали дед с отцом, как ни предлагали майору барашка (и даже мотоцикл «Восход»!), не удалось

им защитить своего любимого Хусейна от происков заклятых врагов рода — семейства Хизира Имомова, ибо, да будет свидетелем тому Аллах, именно по его, и только его собачьему наущению явились на высокогорное пастбище военкоматовцы!

В вагоне, среди таких же, как он бедолаг, Хусейн впервые услышал русскую речь, узнал, что теперь он рядовой Исломов, что на свете есть Сибирь, а в этой Сибири, среди морозной тайги расположен город Краснохренск, недалеко от которого — всего в двухстах километрах севернее — ему предстоит выполнять свой воинский долг. Еще он узнал, что любой, у кого на погонах что-то изображено — полоски или звездочки — может запросто отобрать у него щербет, дать в глаз или просто послать далеко-далеко. Очень быстро он познакомился с русским языком, который оказался на редкость простым и состоял буквально из трех десятков слов, таких как «встать!», «смирно!», «заткнись!», «хавать», «салага», «сука» и так далее. А наиболее употребительные понятия и выражение, с которым они произносятся, Хусейн усвоил вообще в первый день, сразу после того, как назначенный старшим по вагону сержант Запойло построил их в коридоре. Все, суки, отгулялись, сказал тогда сержант, пришел вам... Слово, которое он добавил, соответствовало по смыслу слову «конец», но было куда глубже и красочнее!

Подъезжая к Краснохренску, Хусейн понял, что возможно, Аллах ошибся, назначив местом службы именно этот район земного шара, а когда дело дошло до разгрузки в конечном пункте назначения — станции Заплатово, ему стал ясен и смысл скрытого доселе понятия «ад». На его беду советская армия еще только начинала осваивать этот дикий уголок тайги. Тысячи солдат концевического УИРа в составе своих военно-строительных отрядов приступали к созданию военного городка и шахт для будущей ракетной дивизии буквально на голом месте, хотя, кто рискнет назвать голым местом тайгу? Вековые ели и сосны, непроходимые кустарники, болотистая почва — вот что встретило военнотружущих. Плюс ко всему — морозы и снегопады!

В бестолковой суете шло разворачивание техники и личного состава. График, утвержденный в главке, постоянно срывался, прибывающее оборудование при разгрузке билось и загромождало подъездные пути, дорога, соединяющая Заплатово с деревней Кепкино, постоянно заносилась метелью... Полковник Концевич проводил непрерывные совещания, грозя отдать под трибунал каждого из подчиненных командиров частей, те, в свою очередь громили своих подданных... Подобно горной лавине, громы и молнии начальства спускались все ниже и ниже, захватывая новые слои

— офицеров, прапорщиков, старшин, сержантов. И наконец сейсмический удар достигал низа — солдат! На этом дне, в числе тысяч других барахтался рядовой Ислотов. В первые дни, пока проходил карантин, еще можно было жить. Молодых новобранцев держали в отдельной палатке, которую бдительно охраняли прапорщики и сержанты, и если с кем-то случались неприятности типа отобранного ремня или синяка под глазом, то это были только редкие эпизоды. Правда, еда оставляла желать лучшего — разжиженная картошка с вареной рыбой неизвестного происхождения была основным блюдом, от чего у молодых воинов не прекращались трудности со стулом. Да еще проклятый холод... Были также немалые проблемы с воинскими уставами, написанными на русском языке.

Через месяц Хусейн принял присягу. Собственно, сам он этого не понял, да и как можно понять, что происходит, если утром тебя ставят в строй на морозе минус двадцать пять градусов, потом командир роты скороговоркой что-то зачитывает по-русски, а потом тебе дают ручку и предлагают расписаться. Хусейн не придавал бы этому мероприятию большого значения, но, увы! — оно знаменовало собой переход к новой, и, как оказалось, гораздо худшей доле.

А все объяснялось чертовски просто. До принятия присяги новобранцы еще не были в полном смысле военнослужащими, и к ним не могли применяться санкции, которые упоминались в уставах и были обозначены в уголовном кодексе. А теперь они становились тем самым пушечным мясом, которое долженствовало по мысли московских стратегов нагнать страху на ненавистный Запад. Хусейна в числе нескольких земляков направили в роту прапорщика Забулдаева. И началась служба! Рота занималась расчисткой леса под строительные площадки. Хусейну выдали топор — гиганское сооружение, с которым в каменном веке ходили на мамонта, и назначили напарником к активисту стенной печати старослужащему Никифорову — мрачному детине с лицом популярного артиста Виторгана и длинными руками орангутанга, до армии отсидевшим три года за убийство. В редкие минуты отдыха Никифорову нравилось писать заметки в ротную стенгазету «Стройбатовец».

Увидев напарника, Хусейн понял, что на скрипке ему больше не играть. Каждое утро, кроме суббот и воскресений, рота выходила в тайгу. Остервенело молотя по замерзшей коре, Ислотов с тоской вспоминал родные места. Там тоже были деревья, но не в таком же количестве! Впрочем, работа, как оказалось, еще не самое страшное.

Хуже было, когда они возвращались в палатку (казарма еще не была построена) и после ужина, заканчивающегося вечерней поверкой и отбоем, оставались одни, без прапорщиков и офицеров. Наступало время разборок между «дедами» и молодыми, между узбеками и таджиками, между армянами и азербайджанцами, между теми, кто имел богатое уголовное прошлое и теми, кто его не имел. Каждый вечер Хусейн получал свою порцию кренделей и если бы не периодические заступничества активиста стеной печати, считающего его своим личным секретарем, вполне возможно, вернулся бы он домой раньше срока под обозначением «груз 200». К новому году Исломов уже прекрасно знал, что такое на армейском языке «велосипед», что обозначает выражение «дать пива», и довольно сносно научился варить чифир. Он привык к периодическим кражам валенок, ко вшам — подлым и отвратительным созданиям, к тому, что во время приема пищи масло надо отдать Никифорову, а все остальное мгновенно проглотить, к тому, что старшина роты младший сержант Бахметьев поднимает «салаг» в три часа ночи криком «Рота в ружье!» и потом гоняет под вой пурги вокруг палатки в течение часа... В редкие часы, когда у него ничего не болело и никто не орал на него, он ощущал дискомфорт.

В первых числах февраля его вызвал к себе

замполит роты старший лейтенант Карлсов и предложил интересную работу.

— Вижу, Исломов, ты парень старательный, — сказал Карлсов без лишних предисловий. — Есть для тебя дело. справишься — получишь поощрение. Не справишься — херово будет!

Хусейн уже хорошо знал русский язык, и что такое «херово» представлял. Разумеется, он согласился. Работа была нехитрая: слушать, что говорят сослуживцы о командирах и сообщать об этом замполиту.

— Учти, Хусейн, — доверительно говорил замполит, — ты не один такой у меня. Есть еще козлята... Так что, если чего захочешь скрыть — гляди! Сразу на «губу»! А там, брат, разговор короткий: за узду — и в стойло! И по-хрюкалке, по-хрюкалке!

Замполит по образованию был ветеринаром, в армию был призван год назад, в армейской среде освоился быстро, но профессиональную терминологию не забыл. Завести стукача его побудило болезненное самолюбие. Дело в том, что он был лыс, и знал, что сие печальное обстоятельство служит для воинов поводом к грубым насмешкам. Уже не раз и не два он видел на стенах штабного вагончика черную круглую угольную баранью харю с глумливой подписью

«лысый». И не раз слышал в строю, или когда проводил политзанятие это же гнуснейшее словцо, но никак не мог застигнуть ни одного негодяя.

Исломов серьезно воспринял ответственное поручение, и добросовестно пытался доводить до Карлсова, кто, что и как сказал. Правда, этому чудовищно мешал его малый словарный запас и отвратительная память, а впрямую поставить задачу замполит стеснялся. Так шло время, пока не наступил период всенародных выборов в Верховный Совет. Вот тут-то и засияла звезда Хусейна! Накануне выборов Карлсов вместе с Забулдаевым допоздна засиделись в канцелярии, планируя, как на высоком уровне провести голосование.

— Слушай, Иван, — говорил осоловевший прапорщик, — нам надо первыми проголосовать и доложить в политотдел. Понимаешь? Первыми...

— Как не понять! — тыкал вилкой в жареное мясо (накануне выдали паек) Карлсов. — Постараемся. В пять тридцать поднимем, в шесть проголосуем.

— Ха, какой ты шустрый! Как вша на гребешке! Как же мы их поднимем в полшестого? По уставу не положено! А вдруг Пучилову стуканут? А?

— Чего ж тогда делать? — Карлсов налил еще спирта.

— Вот именно? Думай, комиссар, думай! — прапорщик, шатаясь, заходил по комнатке. — Поднять должны в шесть, но ведь тогда не успеем... Даже если сразу к урнам гнать... Они ж, падлы, сонные...

Карлсов хряпнул сто грамм, закусил огурцом и подпер голову волосатой ладонью. Верно, сонные они, и нерасторопные, как неживые... Будут тащиться к урнам, как черепахи... Черепахи... Тут вспомнилась ему вдруг по неизвестной причине картинка из старого школьного учебника. В каких глубинах памяти она хранилась, неизвестно, но всплыла оттуда, как аэростат в грозное небо, и вынесла с собой вместе совершенно революционную идею. А был на картинке изображен древнегреческий голый бегущий мужчина в гребнистом шлеме, догоняющий черепаху...

Ровно в шесть утра дневальный по роте рядовой Валиахметов пронзительно возопил:

— Рота, подъем!

Тотчас же Забулдаев с Карлсовым, а также командиры первого и второго взводов прапорщики Шиш и Кренадзе усилили своими глотками данный призыв, и, не ограничиваясь этим, ринулись колотить по спинкам кроватей металлическими трубами, а также сбрасывать с солдат одеяла. В одну минуту перепуганная насмерть рота

выстроилась повзводно в три колонны, и Карлсов взял слово.

— Солдаты, — кинул он прочувствованно. — Все мы знаем, какой сегодня день. Все мы, как один, готовы отдать свои голоса за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Сейчас мы сделаем это быстро и организованно...кстати, хочу подчеркнуть, все делается строго в рамках устава — подъем ровно в шесть ноль ноль. Командиры взводов — раздать бюллетени!

Замполит отступил в сторону, и воины обратили внимание на три ящика, стоящих перед ними в некотором отдалении.

— Перед вами — урны для голосования, — вступил Забулдаев. — Задача проста — проголосовать первыми. Взвод, который закончит эстафету последним — сегодня ночью будет чистить снег на плацу. Ясно?

— Так точно!!!

— Внимание... Марш!

Стоящие первыми сержанты пулей рванули к ящикам, как эстафетные палочки вытянув перед собой бюллетени. В мгновение ока они добежали до ящиков, проголосовали и кинулись назад. Добежав до следующего волеизъявляющегося, сержанты хлопали его по плечу, после чего тот также устремлялся к заветным урнам. Атмосфера в

палатке моментально накалилась — куда девались сон и апатия?

— Ткач, жми!

— Худойназар... Худойназар...

— Аллах акбар!!!

— ...твою мать!..

Суетливо толкаясь, с вылезавшими из орбит глазами, неслись к ящикам бывший хулиган Пичугин, учитель физкультуры Петя Сасин, бухгалтер Назаров, браконьер Кондаков, убийца Никифоров, дебил Шариков...

Несчастный Шариков, то ли от усердия, то ли от волнения прикусивший язык, не добежав метра до заветного ящика, зацепился валенком за валенок и рухнул под душераздирающие крики своего взводного прапорщика Шиша. К этому времени уже стало ясно, что его взвод выходит на первое место...

— Убью, гнида! — заревел Шиш, схватив табуретку, и попытался швырнуть ее в Шарикова.

Побелевший придурок с непостижимой скоростью вскочил на ноги, волчьим броском дотянулся до щели в ящике и толкнул в нее бюллетень с такой силой, что всем стало не по себе. А Шариков уже летел назад, показывая скорость, которая не снилась даже знаменитому Валерию Борзову.

Через две минуты Карлсов звонил в

политотдел:

— ...товарищ подполковник... так точно, Карлсов... так точно, уже проголосовали...все, как один...так точно...есть! Служу Советскому Союзу!

В этот же день Хусейн установил, наконец, кто ругается на замполита словами «лысый баран». Им оказался известный баламут и хам рядовой Стульчак из занявшего последнее место взвода старшего сержанта Курощупова.

— Это все он, лысая гнида придумал! — распаялся в палатке после ужина Стульчак. — Знал, что у нас во взводе у всех грибок, вот и подстроил, паскудник! У-у-у, баран лысый!

И уже утром Хусейн получил вознаграждение — стал истопником у офицеров-двухгодичников. Жизнь победила! Теперь у него была только одна проблема — дрова. К сожалению, топор из роты взять не дали, а другого инструмента не было. Приходилось идти на хитрости, уворовывать дрова у других истопников, что было сопряжено с определенным риском. Несколько раз Хусейна ловили и били, но он был уже достаточно опытен, и знал, как вести себя в подобных ситуациях. С дровами дело постепенно наладилось. Конечно, некоторый риск представляли еще патрули, но они были опасны днем, а днем Хусейн запирался в ЦУБе и не высовывал носа. Он разводил пожарче огонь в топке, устраивался калачиком в прихожей

на телогрейке, и засыпал, погружаясь в воспоминания и мечты о возвращении домой. Еще была одна опасность — сгореть заживо. Такое случалось с некоторыми истопниками, а также и жильцами их ЦУБов, когда во-время сна вдруг нечаянно открывалась дверца топки и из нее вываливался уголек. Чертовы ЦУБы, сделанные достаточно комфортно, чтобы в них жить, были на редкость горючи, поскольку основным материалом внутри была пластмасса. При возгорании, чтобы выскочить из спального помещения, жильцам требовалось миновать узкие двери на кухню, потом такие же — в прихожую, где уже бушевало пламя, и только затем они оказывались на улице. Увы, не всем удавалось проделать этот рискованный маневр.

Впрочем, беды пока обходили Хусейна стороной. Более того, ему даже посчастливилось познакомиться с женщиной, той самой, к которой он теперь и направлял свои дырявые валенки.

Подойдя к вагончику Прохвальчук, он легонько постучал в окошко.

— Кто?

— Это Хусейн! — тонко ответил Хусейн.

Он стеснялся. Стеснялся того, что приходится будить в столь ранний час инженершу по охране труда. Стеснялся, что надо покупать у нее бутылку. И очень стеснялся того, что у него с ней... того...

— Чего так рано? — голос был еще сонный.

— Не терпится?

— Бутылка нужна! Глизов просит бутылка!

— Ну, заходи, я сейчас... Побудешь?

Хусейн покраснел:

— Время нет, Светлана Александровна.

Глизов бутылка надо!

— Ну, давай деньги...

Тут Чирика извлекли на мороз, однако не успел он прочувствовать холод, как оказался в теплой руке, которая заботливо внесла его в душистое помещение.

Глава 4,

в которой Чирик попадает в заботливые женские руки и становится свидетелем начала антиалкогольной кампании

Передав мелкорослому азиату бутылку «Негро», Прохвальчук закрыла дверь, подкинула пару полен в топку котла и вернулась досматривать захватывающий сон о своей встрече с артистом Михаилом Боярским. Она положила Чирика на туалетный столик, художественно выполненный из ящика для ликеро-водочных изделий, забралась под три одеяла и закрыла глаза. Но вместо усатого мушкетера Михаила перед ней возникла блинообразная физиономия Хусейна. Прохвальчук

заворочалась, пытаясь прогнать неприглядное видение, но поняла, что все это бесполезно, что сон — чудный сон, унесший ее от ненавистной армейской жизни! — уже не вернется, что надо вставать и готовиться к очередному нелегкому дню.

Скотина, подумала она кратко об истопнике. Хусейн был ее болью и проклятием. Действительно, могла ли она в молодые годы даже в мыслях допустить, что в сорок лет придется вступать в интимные отношения с неграмотным плюгавым азиатом, к тому же совершенным дилетантом в столь важной сфере?! Да еще трусливым, как тысяча полевых мышей! Светлана Александровна выбралась из под одеял и стала готовить ежедневную утреннюю питательную маску. В соответствии с рекомендациями любимого журнала «Здоровье», она использовала только натуральные продукты, с которыми в этой сибирской глуши была напряженка, особенно зимой. Почти все деньги, которые она зарабатывала, шли на поддержание ее внешности, но, поскольку продукты были дороги, приходилось также приторговывать спиртным, а поэтому ее вагончик являл собой для постороннего человека как бы филиал продуктового магазина. Древний одежный шкаф с осыпавшимся лаком, страшный, как некачественно сделанный гроб на троих, был заполнен бутылками: ромом «Негро», «Питьевым

спиртом», портвейном «Порто», болгарскими и венгерскими сухими винами, несколькими сортами водки, а также особенно актуальной среди прапорщиков разновидностью вина «Волжское». Исполинский сундук, купленный у кепкинской долгожительницы Марфы Крупской, занимавший ровно четверть жилого пространства, содержал в своих недрах продукты домашнего консервирования — огурцы, помидоры, варенья и компоты. На стенах висели связки сушеных трав и грибов. Под кроватью, в лежащем на боку холодильнике «Наст» (проклятый недостаток места!) хранились молочнокислые составляющие: сметана, творог, масло, молоко и прочее, что удавалось приобрести у таежных аборигенов.

Светлана Александровна взяла эмалированный таз, налила в него растопленную снеговую воду, и затем, подобно средневековому алхимику приступила к священнодействию: смешиванию ингредиентов. Через полчаса бурая клейкая масса, издающая невообразимо чудовищную

молочно-яично-огуречно-помидорно-редько-чесночно-спиртовую вонь была готова, и с благоговейным трепетом перенесена на веснушчатое лицо перезрелой матроны. После часового бдения, в результате которого кожу словно натянули на турецкий барабан, Прохвальчук содрала с себя

использованные продукты, сожалея, что в таком виде они не пригодны к питанию, и ополоснулась опять же снеговой водой. Далее она принялась за массаж лица, столь интенсивный, что посторонний принял бы его за попытку извращенного самоубийства. Пора была начинать насыщение организма. Измотанная произведенными действиями, Светлана Александровна со вздохом приступила к завтраку, силясь растянуть его как можно дольше. Впрочем, сделать это было не просто, так как она, в соответствии с рекомендациями журнала «Работница», находилась на диете. В данный момент ее завтрак состоял из стакана кипяченой воды и двух сырых яиц. Прохвальчук чайной ложечкой аккуратно черпала в скорлупе содержимое, медленно, с чувством пережевывала его, и размышляла, когда же наконец, черт побери, она начнет сбрасывать вес?! И вообще, до каких пор она должна подвергать себя страданиям из-за сволочей мужиков, если ни один, даже самый захудалый прапорюга не уделяет ей абсолютно никакого внимания! Не принимать же всерьез за мужика этого придурка-истопника!.. А Глызов-то хорош — опять хлещет...

Она взглянула на принесенную солдатиком десятку. Новенькая купюра неожиданно вызвала в ее сердце прилив нежности.

— Ишь ты, какая гладкая! — похвалила ее

Прохвальчук, и в этот момент внезапно поняла, что хватит, хватит стараться для этих скотов... один черт, не ценят... хватит разбазаривать продукты и тратить на них огромные сотни... Пора выбираться из тайги в город! В городе мужиков хватает, как только раньше ей, дуре, в голову не приходило? Проработать до отпуска — он, кстати, через три месяца — поднакопить деньжонок, да и уволиться к черрррртовой матери! Не судьба, видно, подцепить мужа военного... ох, не судьба...

Осознав простую эту мысль, Прохвальчук решила не медлить с ее воплощением, а посею высыпала из жестяной банки лавровые листья и сунула вместо них туда Чирика. Копить, так копить!

Крышка задвинулась над Чириком, как гробовая, и на несколько недель он оказался в заточении. Иногда банка открывалась и сверху падали новые купюры. Реже открытие сопровождалось изъятием тех, кто был наверху. Червонец лежал на самом доньшке, и жил спокойной растительной жизнью. Он познакомился с соседями — а это тоже были десятки, только более раннего выпуска, больше повидавшие в жизни, более опытные и потертые. От них он узнал о многих вещах, о которых даже не подозревал, например, о кастовых различиях — о том, что червонцы — народ солидный, а всякие

пятерки-трешки, так себе, голь перекатная... Есть также рубли — мелюзга, с которой никто из уважающих себя общаться не станет... а есть еще презреннее публика — монеты, но это-такое быдло, о котором и говорить не стоит! Но и над ними, над червонцами есть начальники — четвертные, полтинники и самые-самые тузы-стольники. Увидишь стольника — уступи дорогу, напутствовали Чирика друзья. Еще узнал он, что живут деньги не вечно, что по старости они ветшают, рвутся, покрываются пятнами, истираются, и неизбежно, рано или поздно всех ждет смерть. Правда, что такое смерть никто из купюр не знал, поскольку никто ее не испытал, и тут их мнения делились... Одни говорили, что смерть — это полный конец, страшный, после которого нет ничего. Другие уверяли, что смерть — понятие относительное, это только прекращение физического существования, а есть, мол, у каждой купюры ее Душа — Стоимость, которая после смерти отделяется от бумажной оболочки и попадает, в зависимости от того, как купюра себя вела в жизни, то ли в место блаженства, где правит Великий Бог Мамон, и где слух ласкает непрерывный звон печатного станка, либо, если купюра вела себя в жизни недостойно своего достоинства, попадает в мрачное место, где ее Стоимость жарят на медленном огне духи зла. Были

и такие червонцы, которые уверяли, что смерти как таковой нет, а есть одно сплошное перерождение, непрерывное движение Стоимости, и каждое физическое прекращение знаменует собой новое рождение на Монетном Дворе, но в уже иной Сущности, и, например, любой червонец в новой жизни может стать четвертным, а может опуститься до пятерки, и все в зависимости от того, как вел себя в нынешней жизни. Сообщили также Чирику, что есть еще какие-то Ценные Бумаги — но твари эти коварны, они и не деньги, а так, не-разбери-поймешь, одним словом, неполноценные, хотя и полны амбиций... Говорили также про иностранцев — долларов и фунтов стервлигов, но, поскольку их никто не видел, Чирик не понял, как с ними себя вести... Однажды братию разбудило энергичное потряхивание, после чего крышка отворилась и банка была опрокинута на стол. Лежа на самом верху кучи, Чирик увидел в ярком свете дня над собой физиономию той тетки, что приняла его из пропахших дымом солдатских рук...

Прошло уже больше месяца, как Прохвальчук приняла решение об увольнении из Вооруженных Сил. Уже несколько раз она опускала в банку свои денежные поступления, и теперь, в преддверии праздника Первого мая, решила полюбоваться на них, и заодно пересчитать. Надо отметить, что за

истекший период в ее нелегкой жизни незамужней женщины ничего не изменилось.

Точнее, почти не изменилось. Ввиду знаменитого Постановления «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» резко вырос спрос на ее спиртные запасы. Это позволило Прохвальчук значительно улучшить свое финансовое положение. Но что для женщины деньги, если она лишена того, что ей положено самой природой — мужской ласки! А ведь именно за ней, распроклятой, всю жизнь тянулась Прохвальчук! Но мерзкая внешность жирной макаки, подаренная ей при рождении мамашей, пресекала на корню все попытки контакта с противоположным полом. В школе она пыталась компенсировать недостатки внешности хохмачеством и клоунадой. Смех одноклассников ей вызвать удавалось, но ни один из них, даже полиомелитчик Манько не приглашал ее на танцах, и не старался дернуть за специально подставляемую косу. На улице при виде ее молодые люди с отвращением отводили взгляд в сторону, а пожилые мужчины ускоряли шаг. Несчастливого учителя пения примерного семьянина Филова сексуальные домогательства юной Светланы вынудили уволиться из школы.

После школы Прохвальчук недолго раздумывала, куда направить свои необъятные

бедра. Она выбрала строительный институт, автодорожный факультет, где мужиков было — как собак, вернее, кобелей нерезанных. Но странная штука — они норовили гульнуть на стороне, отыскать бабенку где-нибудь на архитектурном, или, на худой конец, технологическом факультетах, а то и вообще — в педагогическом институте... Сверстники не видели ее в упор, рабфаковцы почти все уже были женаты. Оставался преподавательский состав, но у проклятого состава был слишком хороший выбор и без Прохвальчук! Не помогало и то, что пытаясь навязать свое общество, она умышленно проваливала экзамены, чтобы прийти во второй, в третий раз... Грозный доцент Мочалов, преподаватель теоретической механики, перед которым трепетали все студенты строительного института, поставил ей с первого раза «отлично», после чего его прямо из аудитории увезли в неотложку. Старший ассистент кафедры электротехники Бабаян поставил всего лишь «хорошо», но при этом добавил с характерным акцентом: «Чтоби большэ Вас не видэл!» Ветеран трех войн преподаватель научного коммунизма Хахновский, переживший два расстрела — врангелевский и ежовский — предпочел сказать больным, но не явился на экзамен, а прислал вместо себя ассистентку Картавую... Так оказался потерян еще один шанс. Благодаря отличному диплому ее

распределили в престижный проектный институт, подавляющее большинство которого составляли женщины. Прохвальчук поняла, что если не принять кардинальные меры, ей так и не улыбнется ни один мужчина. И она пошла в военкомат.

— Хотите служить Родине? — переспросил дрожащим голосом усатый капитан. — Такие товарищи нам нужны. Вот только хороших вакансий нет...

— Мне все равно, товарищ подполковник! — жеманно ответила Прохвальчук, после чего зардевшийся военкоматовец в пять минут оформил ей назначение в город Жангиз-Тобе в одну из многочисленных военно-строительных частей на должность инженера по технике безопасности.

Прохвальчук оказалась в окружении огромного количества мужчин. Причем, не просто мужчин, а мужчин военных, то есть готовых на все. Она прибыла в Жангиз-Тобе во всеоружии, привезя с собой кипы журналов «Здоровье», «Работница», «Крестьянка», массу вырезок из других изданий с рецептами и советами, долженствующими превратить ее в королеву красоты и конечном счете — в генеральшу. Однако ни неустанное каждодневное наложение масок и кремов, ни непрерывные голодания и диеты, ни ежевечерние походы в гарнизонный клуб на танцы не продвигали Светлану Александровну Прохвальчук

к желанной цели. Год шел за годом, менялись вокруг офицеры, превращаясь из лейтенантов в майоров, а она по-прежнему оставалась в одиночестве... А потом случился переезд на новое место службы, и у нее окончательно пропал вкус к жизни. Проживая в вагончике, она по инерции еще принимала маски, но с каждым днем росло чувство, что надо бежать назад, в город. И тут подвернулся Хусейн! К этому времени Прохвальчук дошла уже до стадии полного сексуального истощения. Ее совершенно не заботило, что во вверенной части идут массовые нарушения техники безопасности, что монтажники работают без допусков и монтажных поясов, а сварщики разжигают костры около баллонов с кислородом. Ей было наплевать на отсутствие проектов и на начальника производственно-технического отдела капитана Кишкова, который взялся учить солдат, как нужно рубить сучья на дереве и разрубил себе ногу (Кишков был женат), ей было начхать на то, что японский бульдозер «Комацу», валя лес, завалил также прорабуку вместе с прорабом Зобковым... Ей было, в конце-концов наплевать, что где-то в Кировской области от должности первого секретаря освобожден товарищ И.П.Беспалов и на его место назначен В.В.Бакатин. Но когда вертлявый азиат, присланный Глызовым за бутылкой, предложил ей изготовить за десять рублей из водочного ящика

туалетный столик, она почувствовала — вот оно! Было ясно, что мальчишке просто нужны деньги, но... Но в том то и заключается искусство быть женщиной, чтобы направить мужчину на путь истинный! В конце концов, надо же когда-то начинать!

...Их любовь была унылой, как песня нищего. Трижды в неделю, крадучась и трясясь от страха, мальчишка пробирался к ней в вагончик, где она немедленно набрасывалась на него, словно крыловский волк на ягненка. Она гасила свет, чтобы не видеть испуганных раскосых глаз и валила беднягу на пол, трепеща от диковинной смеси удовольствия и омерзения. Потом, когда тот уползал, держа в руке несколько поленьев — гонорар за выполненную работу, Прохвальчук залезала под три одеяла и предавалась мечтам о Большой, Светлой и Настоящей любви, которая непременно к ней придет. Словом, паскудство было полнейшее!

... Прохвальчук разложила купюры по ранжиру и принялась созерцать денежную массу. Сумма составила четыреста двадцать с хвостиком, и это придало ей настроения. Еще не все в жизни потеряно! Через два месяца, спасибо родной партии, она на своих винных запасах доведет сумму до тысячи, да еще продаст барахла на тысячу — с этими деньгами можно и назад, к маме с папой,

которые все ждут ее домой с мужем. Был у нее и еще один повод для радости — сегодня прапорщик Генералов из соседней части попросил у нее взаймы до полочки десятку, и она пригласила его к себе — деньги мол, все дома...

А десятку ему надо бы дать получше — пусть знает, что ей ничего не жалко! Прохвальчук прошла потными руками по пачке червонцев и остановилась на Чирике. Этот подойдет.

... Генералов пришел не один. Вместе с ним притащился его сосед по барачной комнате лейтенант Кусичев, видно, также решивший на халяву урвать денег. Еще за окном Прохвальчук услышала пьяный хохот Генералова и кусичевский привизгивающий голосок:

— Кишка как даст по ноге... Я, говорит, такую лесину завалил...

— Ха-ха-ха!

— ...счас покажу, как сучья рубить...

— Гы-гы-гы!

— ...как звезданет по ноге...

— Хотел по ели — а попал по дубу!!!

— Га-а-га!

Раздались удары в дверь. Приперся! Да не один... идиот! Прохвальчук стали душить слезы. Так ждала, так ждала...

— Может, ее нет? — привизгнул Кусичев.

— Да ну... Спит поди...

Снова послышались удары, и голос Генералова озабоченно произнес:

— А кстати, канализация-то... того, поплыла... В смысле трубы.

— Знаю. Мы ж ее клали зимой в мерзлый грунт, а теперь он подтаял, вот трубы и заиграли...хи-хи...

— То-то Пучилов бесится!

— Хи-хи-хи!

— Слышь, Светик, это я... Генералов... открывай!

Прохвальчук шмыгнула носом и утерла глаза. А чего от них еще ждать? Все мужики — сволочи и алкаши! Она открыла дверь и сунула в утиный нос Чирика:

— На, подавись!

— Ты чего?... — удивился прапорщик.

— Того! Больше не дам — нету!

И захлопнула дверь.

Глава 5, в которой Чирик переезжает в Краснохренск

Дверь перед Генераловым захлопнулась, едва не задев его утиный нос. Недоуменно сунув Чирика в карман шинели, прапорщик пробормотал:

— Совсем сдурела, проститутка! Чего злитесь?

Сама же сказала, приходи, дам...

— Так это — смотря чего! — хихикнул прохвост Кусичев.

— Денег, дурень!

— Это ты так думаешь...

— А пошел ты! — миролюбиво отозвался Генералов и друзья, обнявшись, побрели в барак.

У них было много дел в связи с надвигающимся праздником. Во-первых — выпить. Во-вторых — закусить. В-третьих — пойти в Кепкино на танцы. В четвертых, и это — самое главное, не попасться на глаза начальника штаба майора Ключнера, которорый пребывал в уверенности, что Генералов лежит с сорока градусами (липовую справку за пузырь «Арпачая» сварганил начальник медсанчасти двухгодуичник Афанасов).

Догорающий день лучами заходящего солнца освещал глинистую тропу, затейливо вьющуюся между жилыми вагончиками, из которых уже неслись пьяные разухабистые голоса.

— Под гору вечееернююю солнце к речке клооонииит! — затянул простуженный голос из ЦУБа, в котором жили сверхсрочники, или «сверчки».

— Все что было, не былоооо, знали наперееед! — подхватили еще несколько человек.

Воители приступили к празднованию 1 Мая.

Слышался смех приبلудных кепкинских девах. Из провонявшего сортирным запахом покосившегося ободранного ЦУБа вывалился едва стоящий на ногах белокурый отпрыск польки и армянина лейтенант Юлий Варданян и истошно заорал, обратив палец в сторону уходящего светила:

— Самое хорошее освещение — это естественное, козлы! Послышался гогот, и залихватский голос из утробы вагончика одобрительно пробасил:

— Вот за что я люблю Юльку... Наливай!

Генералов брезгливо поморщился. Он презирал двухгадючников, которые, в отличие от него, не нюхавши пороху, не служа в армии запросто получали лейтенантские погоны, и все потому, что умудрялись закончить институт. А он — Федор Генералов, два года оттарабанивший в забайкальских степях и полгода в Кстово, имел всего-то звание прапорщика. Они, бумажные черви, не знавшие даже, как мыть с мылом полы в сортире, считались офицерами, мать их за ногу! Слабым утешением ему служил тот факт, что он был назначен командиром роты, и что замполитом у него настоящий, закончивший политическое училище лейтенант Кусичев. Даже идиот Кусичев, ничего не смыслящий в воинской стратегии, и путающийся в сочинениях основоположников, со временем должен был стать майором или

подполковником, получить хорошую пенсию, квартиру в теплом городе и соответствующее отношение окружающих. А ему, Генералову, при всех его несомненных способностях, в лучшем случае светило звание старшего прапорщика (тьфу, мерзость-то такая!) да издевательский шепоток за спиной. «Курица — не птица, прапорщик — не офицер!»

— В Кепкино мы не пойдем! — подходя к бараку объявил он Кусичеву тоном Наполеона, когда тот дал команду атаковать русских.

— Что?

— Что нам Кепкино, Андрюха?

С Кусичевым Генералов чувствовал себя великим полководцем.

— Кепкино... Да мы там уже всех баб перетискали! В Краснохренск двинем!

Кусичев заморгал пьяненькими глазками.

— Кутить, так кутить! Пора выходить на орбиту!

— А когда двинем? — загоревшись новой авантюрой, спросил юный выпускник военно-политического училища.

— Сейчас и двинем. Тормознем на трассе машину — и тю-тю...

Но двинули они не сразу. Сначала надо было собраться. Впрочем, нет! Сначала они «расширили сосуды». Потом переоделись в гражданскую форму

— в целях конспирации. Потом искали подходящую сумку и заполняли ее тем, что может понадобиться двум молодым мужчинам и двум нестарым женщинам при праздновании Дня международной солидарности трудящихся. Потом они вышли, но вспомнили, что не захватили деньги. Потом вернулись и еще раз «расширили сосуды».

В семь вечера две шатающиеся фигуры брели по трассе Заплатово — Краснохренск и водители редких попутных машин могли наблюдать их оживленную жестикуляцию.

Генералов чувствовал дух свободы. Справка, выписанная лихим Афанасовым, давала ему три дня отдыха от идиота Ключнера, от воплей неврастеничного командира отряда майора Кнопкина, от необходимости организации праздничного досуга с обрыдшим личным составом (пускай заместитель попрыгает!).

— Учти, Андрон, — назидательно поучал Генералов лейтенанта, — если хочешь достичь больших высот — будь смелым! Что нам Кепкино? Три километра ходьбы, ха-ха...

— Хи-хи-хи!

— ... они думают, что если издали приказ о запрете выезда из гарнизона, так и все на этом?

— Да уж!

— А мы их перехитрим! Во-первых — не узнают... А во-вторых, если что — скажем, что

ездили в Собачинск! Попробуй — докажи!

Собачинск был районным городишкой в тридцати километрах от Кепкино, и хотя считался запретным для поездок, начальство смотрело на это сквозь пальцы — привыкло.

Мимо пролетел грузовик.

— У-у, сука! — погрозил кулаком Генералов, внезапно свирепея. Он воспринял это как вызов, брошенный судьбой.

— Видал? Не взял, сволочь! Вот они, люди! С ними по-хорошему нельзя! Только кулак! В репу! В репу! Знаешь, как я раньше делал? Построю воинов... у кого фамилии — на «ян»... шаг вперед! И в бочки их... а в бочках вода...

— Какие бочки?

— Из под бензина! И команду «Срочное погружение!» Понял? Боялись, сволочи! Пока боятся — уважают, так-то!

— А потом?

— Потом одному гаду челюсть сломал... рука неделю болела... ну они и накапали в политотдел...

Генералов остановился и с огорчением вздохнул:

— Пучилов вызвал... говорит... понимаю Вас, товарищ прапорщик, но бить солдат нельзя... могут прокурору настрочить!

Сзади заревел мотор рейсового автобуса. Генералов с Кусичевым обернулись и замахали

руками. Скрипнули тормоза, и дальше беседа продолжалась в полупустом салоне красного «ПАЗика».

— У нас на практике комбат тоже говорил, что бить нельзя, — поделился Кусичев. — А потом на утреннем разводе одному казаху так дал, что тот три месяца в санчасти провалялся!

— Молодец! — одобрил Генералов. — Только так можно победить. Знаешь, какой Жуков жестокий был? А Тухаевский? Вперед, и не ныть! Без этого, Андрон, нельзя!

Тут прапорщик наконец оседлал своего любимого конька — военную стратегию. Непонятно каким образом он перекинулся на воинские таланты Суворова, битвы Александра Невского и победы Ганнибалла. При всем при том, что рассуждал он о делах давних, и не имевших к нему никакого отношения, у Кусичева волей-неволей складывалось впечатление, что только благодаря мастерству Генералова были разгромлены псы-рысари на льду Чудского озера и окружена армия римлян в битве при Каннах.

— Главное — собрать все силы в кулак и ударить им по слабому месту! — орал на весь салон вошедший в раж прапорщик. — Сначала — артподготовка, затем — танки! И особое внимание — разведке! Тс-с!.. Ты знаешь, что на самом деле было с атомной бомбой?

Утомленный возлияниями и монологами прапорщика, Кусичев отрицательно мотнул головой. Какие, на хрен, атомные бомбы, когда в голове у него неотвязно вертелась крепко сбитая фигура почтальонки Надьки — восемнадцатилетней кепкинской «звезды», простой и доступной в общении. Кроме того, его беспокоили возможные последствия загула, хотя он уже и понимал, что ничем не рискует — не уволят же его из армии. А уволят — еще лучше!

— КГБ работает четко! — засвистел в ухо лейтенанту Генералов. — Ребята подложили такое... такое! Но об этом — молчок!

Прапорщик заговорщицки огляделся по сторонам. Но в автобусе на них не обращали внимание. Двое коренных жителей Сибири — Он и Она были слишком заняты собой, группа бородатых граждан в черных телогрейках дулась на передних сиденьях в очко, успевая при этом курить и периодически выплескивать из кружек нечто жгучее, но привлекательное. Да еще на заднем просторном сиденье беспробудно спало лицо якутской наружности и неопределенного пола.

— Взять хотя бы Афганистан! — продолжил успокоенный прапорщик. — Не могут победить малюсенькую страну. Да ее и на карте-то не найдешь! Генералы... — он презрительно надул губы.

Кусичева клонило в сон. Перед ним возникал образ начальника штаба, который тряс над собой пачкой подписных листов и громовым голосом спрашивал:

— А все ли твои солдаты расписались об ответственности за изнасилование?! А о том, что скоро Первое Мая?! А где список ознакомившихся с правилами пользования антифризом?!

— ... а они, понимаешь, постановления о выдаче премий женщинам-механизаторам издают! — доносился из отдаления голос Генералова. — Стратеги херовы! Жахнуть туда водородную бомбу — и будет советская социалистическая республика Афганистан!

Прапорщик что-то еще говорил об аварии на Юнион Карбайд, о дембелях, которые пьянствуют и позорят форму, о бегающем босиком по морозу двухгадючнике Александрове, призванном в часть из Питкяранты, о дезертирах солдатах...

Автобус прибыл в Краснохренск утром, когда солнце уже разогнало легкий морозец, когда ветер трепал на зданиях алые ткани и из репродукторов кто-то восторженно кричал:

— Ленинской коммунистической партии — Слава! Героическому советскому народу — Слава!!

Слегка уставшие, они вывалились из дверей автобуса, жмурясь от праздничного солнца, и остановились в задумчивости.

— Андрон, план такой, — произнес Генералов, — едем в гостиницу, берем номер и — по бабам. Есть возражения?

Возражений не было. Тут же прапорщик махнул рукой, тормозя чей-то черный «Москвич». Водитель «Москвича» попытался вильнуть вбок, но прапорщик, а за ним и лейтенант, смело кинулись под колеса, словно герои-панфиловцы под танк. Машина взвизгнула и остановилась. Похоже было, что мужчина, сидящий за рулем, не очень доволен. Но такие мелочи не могли быть приняты во внимание двумя жаждущими развлечений ратниками. Генералов рванул дверцу на себя и ввалился в салон.

— В гостиницу!

Сзади угнезвился лейтенант.

Глава 6,

в которой Чирик принимает участие в первомайской демонстрации и попадает на банкет

Яков Михайлович Смердюк, тридцатилетний освобожденный партсекретарь научно-производственного объединения «Краснохренский протез», катастрофически опаздывал. Он мчался на своем черном «Москвиче» выпуска 1973 года по ухабистым улицам

празднично расцвеченного города, с тоской поглядывая на часы, и громко проклинал создателей этого шедевра автомобилестроения. Сегодня, встав в приподнятом настроении на полчаса раньше обычного (то есть в шесть тридцать), он как обычно позавтракал бутербродами с копченой колбасой, побрился, пожелал счастья детям и жене и направился к гаражу. День обещал быть хлопотным, но важным... очень важным для дальнейшей карьеры. Уже два года он секретарствовал на «протезе»-самом крупном предприятии города, и секретарствовал успешно: план выполнялся, политучеба в кружках велась на уровне, количество побывавших в вытрезвителях заводчан сократилось на треть, шефские работы на селе проводились по графику... В обкоме уже поговаривали о повышении, и очень важной, с этой точки зрения, представлялась нынешняя демонстрация солидарности трудящихся. Если удастся собрать максимальное число людей, если организовать их в ровные колонны, если пронести перед трибунами изготовленную наглядную агитацию и исполнить задуманные спортивные номера с гимнастками, то можно бы и рассчитывать на должность второго секретаря горкома! Весь март и апрель под личным руководством Смердюка заводские умельцы клепали из листов ванадия гигантские чеканные

изображения членов Политбюро. В отделе главного конструктора в рекордные сроки был разработан и изготовлен в масштабе 10:1 макет искусственной ноги с улучшенными дорожно-эксплуатационными характеристиками «Грация-1М». Макет должен был зримо воплощать мирную продукцию, выпускаемую объединением. Отдел главного механика из сэкономленных цветных металлов соорудил радиоуправляемую модель вождя мирового пролетариата. Установленная на микроавтобусе «ЕрАЗ», задекорированном под знаменитый броневик, она могла выполнять ряд сложных манипуляций: срывать кепку, махать ей в воздухе и кричать через встроенные динамики «Слава ленинскому Центральному Комитету!», «Да здравствует пролетарский интернационализм!» и «С праздником Первого мая, товарищи!». В дополнение к этому под руководством председателя профкома Радекова в цехах были отобраны самые привлекательные труженицы, им были розданы гимнастические купальники, и трижды в неделю перед обедом производилось обучение акробатическим номерам.

Все было учтено! Были назначены и под персональную ответственность предупреждены носильщики портретов, отрепетировано построение в шеренги и развертывание-свертывание транспарантов, заводской

вокально-инструментальный ансамбль получил медные трубы и инструкции о том, как дуть, ветераны завода вместе с завклубом Лукашенко отрепетировали скандирование пролетарских стихов...

Все было учтено, и вот проклятый «Москвич», вернее его система зажигания, поставила под удар тщательно разработанный план. Когда Якову Михайловичу удалось, наконец, завести своего скакуна, шел девятый час. Проклиная самоубийц-пешеходов, Смердюк гнал громыхающее сооружение, прикидывая, в состоянии ли паства организовать без его участия. Внезапно две дикие рожи возникли перед лобовым стеклом, и только ужасный рывок ноги партсекретаря на педаль тормоза продлил их существование на Земле. Не успел Смердюк перевести дух, как прохвосты уже вломились в салон.

— В гостинницу! — пьяно дыхнув перегаром, бросил жилистый малый с утиным облезлым носом.

— Вы что, очумели? — попробовал возмутиться Яков Михайлович. — Я вас сейчас в милицию отвезу!

— А вот это видел?! — и утконосый сунул в лицо Якову Михайловичу кулак, покрытый редкими рыжими волосами. — Гусары гуляют! Понял?

— Давай, дядя, шевелись! — поддал сзади примостившийся юнец.

Спорить было бесполезно. К счастью, гостиница «Турист» находилась по пути.

— Червонец! — решил также вести себя по-наглому Смердюк.

— Договорились! — утконосый хлопнул Смердюка по спине.

До гостиницы доехали за семь минут.

— Вот видите здание! — махнул рукой Яков Михайлович и очень удивился, когда жилистый сунул ему в руку потную десятку. Смотри-ка, еще и деньги заработал!

У проходной Смердюк обнаружил огромную безмятежную толпу, вернее, пролетарскую массу, которая отпускала анекдоты, пьяно блестела глазами, а кое-где и пыталась танцевать. К нему кинулись испуганные цеховые и отдельные парторги:

— Яков Михалыч, что случилось? Через десять минут выходим...

— Что наглядная агитация, роздана? — отрывисто спросил подручных Смердюк.

— Портреты розданы под роспись... Транспаранты и знамена выдает Прежнев, — махнули парторги в сторону грузовика, вокруг которого суетились люди и слышались крики:

— Сам неси!

— Я на ноябрьские уже ходил с флагом!

— Как тебе не стыдно, скотина!

— Грыжанский, тебе герб!

— А где тут про народ и партию едины?

— А я сказал — не понесу!

Смердюк озабоченно огляделся, ища взглядом броневик. Ага, вон он, родимый! Мимо с гулким уханьем прошествовал макет ноги, за которым, толкаясь и горделиво оглядываясь, семенили конструкторы Безухов и Бедховен.

Подбежал заместитель Смердюка Завалихин:

— Яков Михалыч, Вас генеральный ищет!

— Иду, иду! Видишь, организовываю народ!

Ну, товарищи — по-местам! — напутствовал парторгов Смердюк. — Стройте колонны!

В голове образующихся шеренг, перед ансамблем, негромко переговаривалось украшенное красными бантами руководство объединения. Генеральный директор Игорь Георгиевич Карманов недовольно посмотрел на Смердюка:

— Опаздываешь, секретарь!

— С этим народом разве справишься! Пока всех растолкаешь! — ответил Смердюк. — Здравствуйте, товарищи! А где Гальюненко?

Георгий Гальюненко, Герой социалистического труда, передовой сборщик цеха номер 20 должен был в голове колонны нести портрет Генерального секретаря. Еще вчера

Смердюк проводил с ним последнюю напутственную беседу, и сборщик клятвенно заверял, что с утра он — ни-ни! — и обязательно пронесет портрет перед трибунами...

— Пьян, гад! — скривился главный инженер.

— Что, совсем?

— В люлю! Дашь ему Горбачева, так он его через два метра в грязи вываляет!

— Сволочь!!!

— Ладно! — кинул сигарету Генеральный. —

Позовите нашего комсомольца, этого... как его... пускай он тащит. Комсомол — помощник партии!

В половине девятого на полную мощность взревел кассетный магнитофон «Сони», спрятанный в барабан оркестра, музыканты схватили трубы и стали надувать щеки, изображая игру, и под марш Буденного колонна двинулась в путь. Следом за оркестром нестройно тянулись ветераны производства, по случаю надевшие ордена, далее печатали шаг, ежась от холода в купальниках девицы, а за ними уже тянулись отделы и цеха. Для Смердюка наступили ответственные минуты. Он вооружился мегафоном, и кружил вокруг колонны, как жук над навозной кучей:

— Отдел главного технолога — подтянитесь! Пятый цех — шире шаг!.. А вы — молодежь, что такие кислые? Ну-ка, песню!

Солнце поднималось все выше. Из соседних

домов открывались окна и оттуда высовывались жидковолосые старушачьи головы. В колонне то там, то тут вспыхивал хохот, отовсюду неслись крики и залихватская русская брань, пиликали гармошки в дрожащих руках гармонистов, над головами летали, пересекаясь и гася друг друга песни про красотку, которую некто приглашал поехать кататься, про незнакомую звезду, которая светит, про Стеньку Разина и его челны.

— Да здравствует международная солидарность трудящихся! — голосил из репродукторов невидимый оратор. — Слава товарищу Даниелю Ортеге и Фронту национального освобождения имени Сандино! Руки прочь от народа Никарагуа!

Колонна продвигалась к центру, уступая место колоннам других предприятий, сталкиваясь с ними и обгоняя. По бордюрам выстроились молоденькие солдаты, разбавленные милиционерами, за которыми толпились любопытствующие, и те, кто опоздал влиться в демонстрацию. Время от времени смердюковцы останавливались; по мере приближения к точке построения колонн на улице Кольцовской остановки все увеличивались, наконец, на пересечении с Плехановской встали окончательно, готовясь к решающему броску перед трибунами.

«Краснохренский протез», как передовое

предприятие, получил право идти впереди колонны Пролетарского района. Перед заводчанами встали районные начальники, придерживая руками районную эмблему — зубчатое деревянное колесо метрового диаметра, в котором было стилизованное изображение искусственной руки. Радиопризывы достигли крайней степени экзальтации. Лесть советскому народу — строителю коммунизма перемежалась в них с проклятиями в адрес мирового империализма, а лозунги за всеобщий порядок сменялись воззваниями проявлять пролетарский интернационализм и солидарность с угнетаемыми народами. Все это обильно сдабривалось восхвалением ленинского Политбюро, перестройки, социализма, краснохренцев и лично тружеников протезного объединения. При каждом упоминании родного предприятия в колонне раздавались вопли радости, сопровождаемые звоном стаканов. Из толпы все чаще и чаще отбегали в сторону взволнованные демонстранты, возвращающиеся назад с оттопыренными карманами. Смердюк усилил бдительность: не хватало еще каких-либо эксцессов:

— Товарищи, выровняйте шеренги! Из колонн не выходить — сейчас пойдем! Отойдите от модели вождя!

Черти что! Стоило только отвернуться, как

какие хулиганы уже прицепили к воздетой руке Ленина красный надувной шарик, придав монументальному произведению балаганный характер! Яков Михайлович с размаху сорвал шарик, погрозив кулаком известному забулдыге Шарповичу.

В десять часов колонна в быстром темпе устремилась вперед. Смердюк, не выпуская из виду равномерно покачивающуюся при ходьбе искусственную ногу, поравнялся с броневиком. Впереди, мимо трибун прошли девицы-гимнастки — это было понятно по тому, как заблестели глаза у стоящих на трибунах ответственных товарищей. Перекрывая крик репродуктора, прогремел пролетарский стих в исполнении передовиков производства:

— Нам хлеба не надо — работу давай, да здравствуют партия, труд, Первомай!

Яков Михайлович сделал знак сидевшему в кабине броневика главному конструктору Сорокину. Сорокин понимающе кивнул, и в этот же момент Ленин сорвал с голову кепку и прокричал:

— Слава ленинскому Центральному Комитету!

Вокруг ударили вопли восторга — это отозвалась группа поддержки из числа союзной молодежи, специально натасканная секретарем комсомольской организации объединения.

— Слава ленинскому Центральному
Комитету! — снова закричал Ленин.

Показались трибуны.

— Слава ленинскому Центральному
Комитету!

Ну, дальше, дальше... Из кабины высунулось испуганное лицо Сорокина:

— Дальше стерто! Стерлась запись!

— Как стерлась? — обомлел Яков
Михайлович.

— Видно, во время репетиций...

— Да ты что?! Да ты понимаешь, что это
значит?!

— Слава ленинскому Центральному
Комитету!

— ... партбилет положишь!

Мимо проплывали трибуны.

— Слава ленинскому Центральному
Комитету!

На лице первого секретаря обкома Грубозапойщикова появилось удивленное выражение, которое быстро трансформировалось в восхищенную улыбку.

— Слава ленинскому Центральному
Комитету!

Впереди, поскользнувшись на брошенной чьей-то несознательной рукой апельсиновой коже, громко упала механическая нога.

— Слава ленинскому Центральному Комитету! — все крутил в воздухе кепкой вождь мирового пролетариата.

Грубозапойщиков поднял руку и радостно помахал ею, ищи глазами Смердюка. Увидев его, Грубозапойщиков улыбнулся совсем широко, во весь золотозубый рот, и прокричал:

— Слава доблестным труженникам советской ортопедии!

— Слава ленинскому Центральному Комитету! — последний раз выкрикнул Ленин, надел кепку и, пошатываясь (плохо закрепили, мерзавцы), проплыл на броневике мимо трибун.

Кажется, все обошлось! Более того, первому понравилось! Смердюк почувствовал дикое облегчение. Последние метры организованного шествия он шел, трясясь в непонятном ознобе. Получилось! Получилось!

— Давай, Василий Иванович, организуй прием и доставку наглядной агитации на объединение! — обратился Смердюк к заму. — А я, брат, обговорю с руководством итоги демонстрации.

Генеральный был доволен:

— Поздравляю, Яков Михалыч! Отлично! И первому понравилось!

— Да что Вы?!

— Точно, точно! Теперь можно и

расслабиться... Свою-то предупредил?

— Да, сказал, что будем обсуждать план на третий квартал.

— Толково! Тогда пошли в машину.

Смердюк вместе с Генеральным, а также главным инженером и двумя замами генерального залезли в заводской «рафик», где улыбчивой шофер Петя уже приготовил то, чем нормальные люди в советской стране отмечают праздник весны и труда.

Разлили.

— Предлагаю первый тост за нашу родную коммунистическую партию! — посерьезнев, проговорил Смердюк.

Мужчины молча и ответственно выпили.

— А нога-то упала! — вдруг произнес главный инженер Дмитрий Дионисиевич Розев. Он потрянул русоволосой головой и повторил:

— Упала! Прямо перед трибуной!

— Сорокину втык придется сделать! — вытер рот Генеральный. — Они там у себя в ОГК совсем разболтались! Народу куча, а чем занимаются — хрен поймешь!

— И пленку с речью Ленина стер! — подбавил огня Смердюк.

— Да, слабоват Сорокин, — вздохнул Генеральный, разливая по второй. — Не тянет. Вот заменить пока некем.

Все помолчали. Действительно, главный

конструктор был как кость в горле. Во-первых, он не пил. Во-вторых, читал стихи и мнил себя интеллигентом (даже не мог матюкнуть подчиненного, когда надо!). В третьих, до сих пор не вступил в партию. Кроме того, по информации начальника первого отдела, покупал в киосках журнал «Америка» и выписывал на отдел американские же научные журналы.

— Тот еще типок! — подвел итог зам по общим вопросам Перепелкин. — Из таких вот отщепенцы и вырастают. Сахаровы всякие там...

— Хватит о грустном! — ударил ладонью по колену генеральный. — Ну-ка, за праздник!

... После четвертой Генеральный заторопился:

— Ну, мужики, вы еще можете посидеть, а мне пора в горком.

После пятой поднялся главный инженер.

После шестой ушел зам по производству, и Перепелкин со Смердюком поняли, что лучшего, чем пойти домой к Перепелкину, им ничего не предпринять. Кстати, на часах было уже, как ни странно, без пяти три.

Качаясь на мягкой скамейке «рафика», Смердюк с любовью смотрел из окошка на суесящихся праздничных людей. Все-таки хорошая у нас страна, думал он. Где еще можно ни хрена ни делать и при этом получать деньги и непрерывно что-то праздновать? Вот у них там, за бугром, вроде

и живут хорошо, и жратвы навалом, но ведь и как вкалывать приходится! А тут вся жизнь — сплошной отпуск! Квартиру хорошую дали, зарплату дали, в спецраспределителе отоваривают, да еще и перспективы... То, что сношают иногда, так что ж, все имеет свои правила. Да и то сказать, вспомнил он присказку своего друга — секретаря сельского райкома партии Онучьева: «нас е...ут, а мы крепчаем!» В квартире Перепелкиных было тесно и накурено. Народ был в основном из среды снабженцев — нужные все люди: начальник ОРСа железной дороги Лев Аронович Шлагбаум с супругой, заведующая базой облизполкома старуха Распутина, какой-то вертлявый и худой из министерства внешней торговли, семья директора химзавода Полова, две молодые особы с четко обозначенным родом занятий, то ли знакомые Перепелкиных, то ли родственницы, да еще пузатый дядя с лопатообразной бородой и в очках, представленный собравшимся как писатель Клюковой.

Смердюк оказался соседом последнего. Он только было собрался сказать свой традиционный тост про партию, про человеческий фактор и интенсивный путь развития экономики, как писатель неожиданно навис над столом и напевно произнес:

— Друзья! Сегодня у нас, как у всех честных

людей Земли, праздник! День весны. День пролетарской солидарности! День труда! Труд создал человека, сказал Энгельс. И он был прав, смею вас уверить. Чем бы мы были, не познавши радости вдохновенного, каждодневного труда?... Так и сидели бы на деревьях, ели бы бананы да гадили на головы проходящих внизу мамонтов-динозавров! Но предок взял в руку палку, обработал ее камнем, потом вскопал ею землю и посеял зерно! И тем самым обрел себя. Так позвольте же мне предложить сейчас тост за того — самого первого — пролетария, благодаря которому теперь мы можем сидеть в этой прекрасной квартире, есть эту прекрасную осетрину и пить это прекрасное вино! За нашего предка-трудягу!

Напевная и гладкая речь оратора произвели самое благоприятное впечатление на аудиторию, но больше всех был приведен в восторг Смердюк, привыкший общаться на производстве и в партийных слоях с людьми заземленными, если не сказать больше. Вот это оратор, думал он, потягивая югославский «Вермут». Если бы так научиться излагать свои мысли ему, Смердюку, он элементарно мог бы рассчитывать на кресло секретаря обкома по идеологии. Надо обязательно познакомиться с писателем поближе!

Между тем веселье крепло, как майский одуванчик. Уже взял слово хозяин дома с

предложением выпить за прекрасных присутствующих дам, что, как вскользь заметил Яков Михайлович, вызвало желчную улыбку старухи Распутиной и покраснение щек безымянных девиц. Уже распарившийся Шлагбаум ослабил узел галстука, уже перезрелая дочка Полова стала строить глазки министерскому хлыщу, уже жена Перепелкина пошла включать магнитофон, а Смердюк все не мог сообразить, как начать беседу с писателем. Уж очень интеллектуален, зараза! Но писатель сам пошел на контакт. Выпив три бокала, он пришел, судя по всему в хорошее расположение духа, и как только утолил голод (а, судя по количеству съеденного — голод немалый!), обратился к Якову Михайловичу:

— Простите, я Вас вижу первый раз здесь. Вы вместе с Гришей (так он называл хозяина квартиры) работаете?

— Да, освобожденный секретарь объединения.

— Вот как? То-то я смотрю, вид у Вас интеллигентный.

При этих словах Яков Михайлович почувствовал себя крайне польщенным и в свою очередь решился на комплимент:

— Особенно приятно это слышать от Вас!

Тут оба ощутили друг к другу огромное взаиморасположение и потребность немедленно

скрепить начинающуюся дружбу.

— Ваше здоровье!

— И — Ваше!

Загремела музыка. Хозяева предложили перейти в другую комнату для танцев. В комнате остались только деловито жующая Распутина да Смердюк с Клюковым.

— Над чем сейчас работаете? — поинтересовался Яков Михайлович.

По лицу писателя пробежала тень.

— Да так, пока смотрю... Ищу тему, набираю фактуру... — Клюковой вздохнул.

— А о чем пишете?

— Пишу-то? Да о жизни все, о жизни, Яша, — неожиданно фамильярно ответил писатель.

Смердюк с удовольствием отметил хмелеющим мозгом факт сближения с писателем. Все-таки это льстило. Снова выпили. Тут вдруг писатель сделался пьян. Взгляд его потерял осмысленное выражение, и он заговорил. Его речь не стала менее логичной и гладкой, но возникли проблемы с дикцией: он стал глотать окончания слов, словно зажевывал ими последний выпитый бокал.

— Ты знаешь, скоко на Земле псатлей? Знаешь?

— Да кто ж его знает...

— Двое! Поэл? Лев Толстой и я! Поэл?

— А Шолохов?

— А, Шолохов!.. — сосед махнул рукой, задевая графин. Графин закачался, но не упал.

— Все тлен! Все! Пройдут века, и не буэт Шолохва, не буэт Михалкова, не буэт Проскурна... а я останусь! Поэл?

— Понял, понял, Сергеич (писателя звали Александром Сергеевичем).

— Эх-ма! Целый год работл, материал набрал... Целый год! А он помер... Помер! — писатель погрозил кулаком куда-то в потолок.

— Бывает! — обнял друга Яков Михайлович, полагая, что писатель говорит об отце. — Все там будем.

— Нет, ну где спрвдлвсть, Яша, где спрвдлвсть? — вдруг уткнулся в партсекретаря писатель.

— Вы ж, партийные, должны предупрждать! А?

— Да нам-то откуда знать, — начал утешать плакальщика Яков Михайлович, — мы ж не ясновидцы...

— Дай займы... — вдруг жарко зашептал на ухо ему писатель. — Во вторнк отдам, ей Бо! Гонорары враги задержвт, а жена шубу купила! — он почему-то перестал глотать слоги.

— Да господи, какие разговоры! — воскликнул Смердюк. — Разве для товарища жалко?!

Он тотчас выхватил из кармана десятирублевку, данную утром утконосым проходимцем.

— Спасибо, друг!.. Настоящий друг... не то, что эти... — и Клюковой сунул Чирика в рваный внутренний карман пиджака.

Глава 7, в которой Чирик соприкасается с писателем и оказывается в светлом будущем

Собственно говоря, карман у Клюкового был не то, чтобы дырявым, а так, имел небольшую прореху, которую писатель, хоть и чувствовал изредка, но все забывал зашить пальцами проходящей домработницы Авдотьи. И то сказать, пиджак-то был парадно-выходным, использовался лишь по-праздникам, с которых Александр Сергеевич, как правило, не приходил, а приползал. Таким вот образом и получилось, что Чирик, покинув разношерстную кампанию смердюковского кармана (а были там не только тройки-пятерки, но и подозрительного вида монеты, включая даже обкусанную трехкопеечную, выпуска тысяча девятьсот тридцать седьмого года, страдавшую старческим маразмом), провалился за подкладку, где уже лежала справка об уплате

алиментов гражданином А.С.Клюковым, и надолго оказался вычеркнутым из активной трудовой и общественной жизни...

К Перепелкиным писатель попал в высшей степени случайно: столкнулся утром с женой хозяина Анной, с которой когда-то вместе занимался в литературном кружке имени Павки Корчагина. Было писателю последние два года одиноко и муторно на душе, мучили творческие неурядицы. Анна предложила по старой дружбе заглянуть на огонек, он согласился — все не одному дома сидеть. А она еще пообещала присутствие двух молодых дам — очень образованных, увлекающихся искусством, и к тому в придачу — незамужних.

К сегодняшнему дню Клюковой подошел, как витязь к камню у трех дорог. На одной из дорог нужно было искать новую жену. Клюковой понимал, что жена — это плохо, но также понимал, что без нее — паршиво. Дело, в конце-концов заключалось не в посудо-хозяйственной деятельности — с этим прекрасно справлялась Авдотья, и не в отсутствии плотской любви — как великий ум, Клюковой понимал всю суетность и мелкотравчатость подобных занятий. Жена была нужна ему исключительно для прикладных целей... Из-за этого пришлось расстаться с Галиной... Глупая баба (а есть ли они на свете умные?), самим

положением своим поставленная в выигрышное положение первого читателя и первого же критика, на которой Александр Сергеевич оттачивал писательское мастерство и новые идеи, после десяти лет каждодневного чтения его рукописей, объявила, что по горло сыта «этой, растудит ее, литературой!» и сбежала к бойцу крупного рогатого скота дебилу Кайло, забрав — какова негодяйка! — мужнины подарки и малолетнего отпрыска Николая. Случилось это два года назад, и с тех пор жизнь писателя пошла наперекосяк. Нарушился привычный ритм жизни, а главное — стало некому читать написанное. Знакомые, которым Александр Сергеевич пробовал демонстрировать рукописи, могли выдержать от силы полчаса монотонного его чтения, после чего — либо засыпали, либо объявляли о срочных делах и удалялись. Как правило, после этого заманить их домой больше не удавалось. Принятая домработницей деревенская неотесанная баба Авдотья, к ее чести, добросовестно высиживала столько, сколько полагал необходимым сам писатель, но ее реплики и замечания были настолько нелепы, что даже флегматичный Клюковой терял самообладание и начинал кричать. Так получилось, что он утратил обратную связь с широкими читательскими массами, что не замедлило сказаться на творческих успехах. Раньше, еще до ухода Галины, Клюковой

был фантастом. Не сказать, что дела шли хорошо, но на жизнь хватало. Вступил в Союз, пропихнул несколько книжек... Ездил на семинары, встречался с читателями, принимал участие в юбилеях. А потом, году этак в восьмидесятом, стал чувствовать, что выдыхается. Вроде и темы брал выигрышные — о светлом будущем, и в издательстве друзья сидели, а только перестали его покупать, а следом — и печатать, и начался у писателя творческий кризис. А жена, как ни в чем не бывало, знай себе обновы требует! Александр Сергеевич судорожно искал выход. И нашел — решил переключиться на социалистический реализм: на художественную биографию генерального секретаря. Стал собирать материалы, съездил в Днепродзержинск...

Почти год работал, во всем себе отказывал. Уже рукопись подготовил для редактора, и тут такая беда. Генсек возьми, да и помри! Другой бы запил, но не таков был Александр Сергеевич. С ходу принялся готовить книгу о новом руководителе — благо, только факты чуть-чуть подправить, а общая словесная вязь — без изменений. Опять не повезло... Не успел. Тут и жена с мясником спуталась. Это было уже серьезно. Еле-еле выстоял Клюковой. О третьем начал книжку. Почти успел.

Уже был собран в гранках его роман «Взлет»

о славной и нелегкой жизни пролетарского паренька, который в процессе социалистического строительства обретает себя и становится генеральным секретарем КПСС. Имя паренька было выбрано типично рабочее — Костя. Подыскалась подходящая, очень простая русская фамилия — Черненко. Но тут наступил злополучный март! Перед витязем лег камень с тремя дорогами. Можно было еще продолжать замысел, слегка изменив героя... например, сделать его не рабочим, а, скажем, колхозным пареньком. А вместо службы на дальневосточной заставе отправить его учиться. Да хотя бы в МГУ на юридический факультет. Но не было гарантий, что опять не придется переделывать. Была и третья дорога — старая и проверенная. Фантастика. А пока приходилось перебиваться случайными заработками — использовать свои литературные находки для очерков под рубрикой «Советский характер», да пописывать статейки о бригадном подряде.

На вечеринке соседом Клюкового оказался хмурый и худой, как глиста, мужичёнка. Писатель не придавал ему значения, поскольку все свое внимание сосредоточил на парочке смазливых декольтированных девиц. Положительно, пришло время расслабиться, думал Александр Сергеевич. Именно этим и объяснялось его стремление привлечь к себе внимание общества, именно

поэтому он позволил себя произнести первый тост, метнуть, так сказать, бисер перед свиньями. То, что общество заслуживает этого определения, писатель понял сразу — едва вошел: во-первых — накурено, во-вторых — тесно, в-третьих... Впрочем, достаточно и двух первых! Но в девицах что-то было! Однако сначала надо было наесться (да и «Вермут» был неплох, весьма неплох!). Между тем, глистообразный сосед, оказавшийся партийным секретарем с «протеза», смотрел на него со столь неприкрытым обожанием, что отвыкший от подобного внимания Клюковой почувствовал необходимость высказаться. Как-то само собой получилось, что они выпили пять или шесть, писатель уже точно не помнил, бокалов, и его повело. Что же я делаю, с ужасом думал Александр Сергеевич, мне же надо пойти, пригласить одну из девок... какого я сижу с этим... Но предатель-язык, соскучившийся по слушателю, уже складывал звуки в слова, в жалобы о трудной писательской — кстати, речь идет о настоящих писателях, таких, например, как Лев Толстой! — доле, о проблемах творческого поиска и интригах недругов в Союзе писателей (один подонок Чернов чего стоит!), о дурах женах, не понимающих, какое это счастье — быть боевой подругой творческого человека... Глистообразный Яша кивал головой, подливал, что-то говорил о человеческом факторе, пил, еще

подливал и кивал, а в конце расщедрился и дал займы деньги. После этого писатель осознал, что, пора, в сущности, заняться и делом, ради которого сюда пришел. Поговорить, так сказать, о Музе с одной из тех...

Он встал. Комната качнулась, и из под его руки вылетела тарелка холодца. Что-то происходило. С шумом упал со стула секретарь-протезовец. Старуха, алчно поедая тушеную курицу, выпучила глаза. На стене напротив закружилась картина «Бурлаки на Волге», причем долговязый бурлак с трубкой, кажется, даже ухитрился пустить колечко дыма...

— Сам-то доедешь? — нахлобучивая шляпу на писателя, спрашивал в прихожей хозяин дома Перепелкин. — Тебе куда?

— Я тут рядом... одна остановка... — едва ворочал языком Клюковой. — Каждая собака знает... А где эти...?

— Кто, Саша? — угодливо высунула из-за трюмо физиономию хозяйка.

— Да твои... эти... проститутки?

— Ты что? — оскорбилась хозяйка.

— Выпил человек — не видишь? — Перепелкин махнул рукой. — Давай, брат, до скорого... А то проводить? Жена заждалась, поди?

— Жена... Нет жен — одни любовницы! Такая у нас, у писателей судьба!

Кренясь, как подбитый бомбардировщик, Клюковой вышел в ночной Краснохренск. В темноте горели окна домов, из которых неслись разбитные мелодии и слышались охрипшие голоса. По тротуару навстречу ему брели такие же качающиеся граждане, некоторые из них были в настолько хорошем расположении духа, что пытались выделять танцевальные па, другие ограничивались исполнением песен, преимущественно фольклорных, были и те, кто, устав за день, мирно расположились под кустами и лежали, то ли рассматривая звезды, то ли просто думая о перевыполнении плана...

Какой-то шутник шел по проезжей части Ленинского проспекта с развернутым флагом и выкрикивал слова известного песенного произведения:

— Я! Другой! Такой! Страны не знаю! Где так вольно! Дышит! Человек!

Страна отдыхала от будней великих строек.

Вместе со страной отдыхал Клюковой.

Вместе с Клюковым отдыхал Чирик. Отдыхать ему пришлось долго. Добравшись до дома в два часа ночи с синяком под глазом и опустошенными карманами, писатель первым делом автоматически разделся, причем, действуя в сомнамбулическом состоянии, ухитрился даже повесить парадно-выходной костюм, хоть и

порядочно загаженный, на плечики в шкаф. После этого связь с внешним миром для Чирика прервалась.

А потом пришел теплый август.

Клюковой, одетый в парадно-выходной костюм, сидел в деревенском доме своей матери Евдокии Карповны. Он приехал к ней, ощущая небывалый творческий подъем и необходимость прильнуть к корням, к природе, чтобы здесь, в простом деревенском доме, как когда-то великий граф-писатель, сваять выдающееся произведение литературы. С той памятной первомайской ночи, когда хулиганы побили его и забрали, невзирая на протесты, кошелек, писатель не пил и не посещал алкогольных мероприятий. Во-первых, сказывалась набирающая обороты антиалкогольная компания. Во-вторых никто не приглашал. А самое главное, в-третьих, в ту ночь, глядя на черное звездное небо, он зародил в своем пьяном мозгу некую туманную мысль, которая с тех пор развивалась, крепла и оформилась наконец в идею написания нового научно-фантастического романа «Черная дыра».

Теперь в деревне Клюковой планировал в перерывах между рыбалками и походами за грибами окончательно отшлифовать замысел об обществе развитого коммунизма, где во главе стоит мудрый Председатель, последовательно

проводящий ускорение технического прогресса, перестройку отношений с соседними цивилизациями и развивающий космическую гласность.

В тесной избушке матери писателя к вечеру собралось по деревенской традиции небольшое общество соседей. Пришли посудачить о жизни своей скорбной и пообщаться со знаменитым земляком престарелая и глуховатая бабка Пелагея с внучкой Маринкой, агрономы, только приехавшие по распределению Витька с Тamarкой, одноногий гармонист Илья, да деревенский чудак — изобретатель дед Антип.

Хозяйка выставила угощение: жареную картошку с тушеным твердотелым петухом Борькой, еще утром слонявшимся без дела во дворе, соленые помидоры, бутылъ яблочного самогона. После первой потекли обычные в таких случаях разговоры о погоде, об урожае, о том, что в городе сплошной разврат, а в деревне — наоборот, и люди лучше, и воздух «мягше», а вот поди ж ты, молодежь все одно в город норовит...

— Ты мне скажи, Витюша, — орала бабка Пелагея в ухо агроному, — ну чего им ишло надоть? Мы то раньше, за трудодни горы воротили, а энти... Теперь еще приститутки объявились какие-то! А Громыка-то, говорят, стал Председателем? Верно?

Агроном в ответ налегал на самогон, кося осторожно на супругу. Гармонист Илья, расстегнув цветастую, как клумба, рубаху, давил пальцами-сучками на столетнюю свою гармонь, Евдокия Карповна о чем-то шептала Маринке — словом, все шло, как обычно.

По радио протикало девять часов. Диктор стал передавать последние известия. Когда он коснулся предстоящего матча Карпов-Каспаров, писателю стало жарко. Он произнес небольшой тост за настоящий («подчеркиваю — настоящий, как у Льва Толстого!») талант, и вышел на веранду глотнуть воздуха.

Небо потемнело. Из бора, начинающегося сразу за огородом, тянуло хвойным духом, а справа от бора, источая свежесть, блестела под луной речка Илюйка с чистойшей, почти родниковой водой. Было безветренно и тихо.

Александр Сергеевич залюбовался открывшейся панорамой, и тут незаметно, под влиянием ли этой красоты, выпитого ли самогона, а может, еще почему, из звездного августовского неба вдруг слетела и уселась у него на плече Муза, и мозг фантаста заработал на полную мощность, развивая и раскрашивая сюжетные линии «Черной дыры».

И в этот ответственный момент ему помешали! Дверь на веранду приоткрылась,

послышался нестройный пьяноголосый хор, выводящий «Славное море, священный Байкал!», потом дверь захлопнулась, и в тягостной тишине кто-то встал за спиной Александра Сергеевича, кашлянув мелким противным звуком. Клюковой поморщился.

— Что, Александр Сергеевич, воздухом подышать решили? — пахнул перебродившими яблоками дед Антип.

— Да-а... подышать... на звезды посмотреть.

— Оно конечно... звезды... — подхватил старик охотно. — Красиво! А как думаешь, есть у них там жизнь, ай нет?

— Конечно! — не задумываясь, ответил писатель. — А как иначе?

— Верно, — чему-то обрадовался дед и вдруг брякнул, — а у меня к тебе дело!

Хорошее настроение писателя вместе с Музой моментально испарились. Уже за одно это дед заслуживал смертной казни, но вместо короткого выстрела из пистолета, Александр Сергеевич лишь спросил с максимально возможной неприязнью:

— Денег, что ли?

— Что ты, что ты! — замахал старец руками. — Совсем другое. Ты ж, ить, у нас писатель?

— Ну...

— Сказочник?

— Не сказочник, дед, а фантаст! — обиделся Клюковой, и поднял вверх для солидности палец. Надо ж такое брякнуть! — Сказочников-то, их нынче много развелось...

— Во, во! Фантаст! — возликовал старик. — Ты про прошлое и будущее все должён знать!

— Все, старина, никто не знает, даже я, — засромничал Александр Сергеевич. — Да это, впрочем, неважно... Я, понимаешь ли, по научным прогнозам работаю. Будущее для меня — как стакан на ладони! Слыхал небось, что идем к победе коммунизма?

— Это хорошо, что по научным... А как тогда все будет?

— Как будет? — ласково улыбнулся Клюковой. — Изобилие сплошное! Будем жить все в одной стране. Будем покорять и обживать другие планеты. Будем добывать в других галактиках энергию и всякие, дед, полезные ископаемые. А на Земле настанет благодать, как в Сочах. Земля станет райским садом, понял?

— Ага, понял... Как не понять! — откликнулся старик. — Тогда пошли ко мне!

— Куда? — не понял Клюковой.

Тут со стариком что-то случилось: он цепко ухватил Клюкового за парадный пиджак и, не успел Александр Сергеевич пикнуть, как собеседник волок его уже по уличной засохшей грязи в свой

мрачный двор.

— Ты что, дед, свихнулся? — только и успел пролепетать фантаст (следует отметить, что он был слабоват) из могучих лап старика Антипа. — Куда ты меня прешь?

— Тише, тише, Сергеич... — бормотал тот.

Они пулей пронеслись по улице.

— Да чего тебе надо? — уже с испугом заорал Клюковой. Он решил, что старик будет его бить, правда, неясно, за что.

— Аппаратик я смастерил... — дунул ему в ухо старик. — Сейчас покажу!

— Да на кой он мне — аппарат твой? Показывай его главному инженеру, или механику! А меня не трожь — я писатель!

— Аппаратик-то не простой! — дед втолкнул Клюкового в сарай и щелкнул выключателем. Хлипкое строение озарилось бледным светом. Посредине стояло уродливое сооружение с торчащими во все стороны ручками, штырьками, колесиками и прочими штуквинками, похожее на... На двухместное зубоврачебное кресло-качалку!

— Это что за зверь? — вытаращил глаза Клюковой.

— Аппаратик! Может перенести человека в любое время!

— Как это... это что у тебя, машина времени?

— Точно! Машина времени! — старика прямо распирало от самодовольного возбуждения.

Клюковой развеселился. Стало ясно, что опасности нет, а с дедом надо вести себя спокойно, не спорить и не делать резких движений.

— Это ты молодец, Евстафьич! — одобрительно похлопал писатель Антипа по пыльному плечу.

— Только я ведь в технике слабоват... Завтра позовем председателя...

— Звал я их, подлюг! — ощерился старик. — Не идут, вредители, смеются! Совсем, говорят, свихнулся! Эх, один ты поверил...

— А то! Кто ж, как не мы! — бодро произнес Александр Сергеевич. — Завтра лично их приведу, так мол и так...

— Да ну их к черту! — зашептал старик. — Вредителям... И так обойдемся. Давай с тобой в будущее сгоняем, уж больно ты про него хорошо рассказал!

— Так и лети! — миролюбиво ответил писатель.

— Я-то при чем?

— Помощь мне нужна! — повысил старик голос, и в глазах его мелькнул безумный огонь. — Один рулить должен, а другой — энергию давать!

— Какую энергию?

— Уголек кидать!

— Ну, даешь! Да поставь электродвигатель или аккумулятор...

— На какие такие шиши?! — стал свирепеть Антип. — На пенсион что ли?

— Черт с тобой! — с этими словами Клюковой полез на кресло. — Только, чур уговор — через пять минут — домой!

Дед, пристегнул ремнями (видел бы их завгар!) себя и писателя, сунул ему в руки саперную лопату времен первой мировой войны, открыл дверцу буржуйки, присобаченной сбоку и скомандовал:

— Кидай!

Клюковой швырнул уголь из торчащего под ногами сундука, потом еще, еще... дед поджег что-то, пыхнул огонь, в боковую трубу пошел дым, дед схватил руками за руль (видел бы его главный механик!), нажал где-то внизу ногой...

— В какой год поедем, Евстафьич? — хихикнул Клюковой, которого стала забавлять серьезность старого пропойцы.

— Как получится милый, как получится... На сколько угольку хватит! Ты кидай, кидай...

— Ну, ну! — только и произнес Клюковой, и в этот момент в сарае погас свет.

Видно, лампочка накрылась, подумал фантаст, но в темноте сооружение дрогнуло вдруг мелкой дрожью, отчего Александр Сергеевич

забеспокоился:

— Может, хватит уже?

— Ты кидай, кидай... — мокрый от натуги дед мертво вцепился в руль. В отблесках огня была видна капля пота, стекающая со лба на бугристый нос-хобот.

Кресло затряслось сильнее, засвистело, запахло озоном... Странное чувство охватило Клюкового: словно все это уже было с ним когда-то. Он швырял и швырял в топку уголь, все меньше думая о нелепости происходящего, словно загипнотизированный бликами и свистом... В окружающей темноте зашипели голубые молнии, их становилось все больше.

Кресло уже не дрожало, а тряслось со страшной силой, скрипели деревянные его части, сидков мотало из стороны в сторону, дед еле удерживал вырывающийся руль, свист бил по ушам, проникая сквозь них до желудка...

— Эй, Антип! — в панике заорал Клюковой. — Тормози свой шарабан!

— Кидай, ки... — начал ответ старец, и в этот момент неожиданно аппарат накренился вперед, потом назад, из топки посыпались горящие уголья, с адской силой что-то ударило по корпусу, раздался взрыв...

Когда очнувшийся Клюковой открыл глаза, он

понял, что произошло самое страшное.

СТАРЫЙ ИДИОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИЗОБРЕЛ МАШИНУ ВРЕМЕНИ!

Ибо иначе ситуацию объяснить было невозможно. Перед широко распахнутыми глазами писателя лежала безжизненная серая равнина без конца и края, покрытая редкими невысокими холмиками. Ни бора, ни речки, ни деревни... В воздухе стоял резкий паскудный запах, похожий на тот, что появлялся в Краснохренске после внеплановых сбросов с завода синтетического каучука. Под ногами был асфальт, сплошной асфальт...

— Охо-хо! — послышалось бормотание за спиной. Это оживал погребенный под развороченным креслом старец. Он ошеломленно огляделся и задал писателю глупейший вопрос:

— Где это мы, Сергеич?

— А это я Вас хочу спросить, почтеннейший! — с невыразимым ядом отозвался Клюковой. — Вы ведь собирались отвезти меня в будущее?

— Так это и есть будущее...

— Вы с ума сошли!

Тут в ближайшем холмике вскрылась круглая дверка, из нее вылез маленький лысый человечек в легком блестящем одеянии, похожем на исподнее с карманами, и торопливо просеменил к

путешественникам. Похоже, он был удивлен.

— Вы кто такие? Почему здесь сидите?

Ростом он едва доходил до плеча Клюковому, который не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Скажите, пожалуйста, который сейчас год?

— Шестьдесят второй, вы что, не знаете?

— Так... так...

Сзади дед загремел конструкцией, пытаясь разобраться, что случилось. Лысый нахмурился и снова спросил:

— Чего вы вылезли на Поверхность? Про Излучение забыли? И дождь скоро будет, — он махнул в сторону, где дымилась странная ртутная туча.

— А мы... это... из прошлого, — залепетал Клюковой. — Вот, машина времени сломалась...

— Сейчас починим! — послышался голос деда. — Эх, усилитель мощности поплавило, вот беда-то!

Лысый странно посмотрел на них, вздохнул и пошел назад к дверке.

— Погодите, — засуетился Клюковой. — Почему у вас такая вонь?

Потомок остановился:

— Вонь?

— Ну, воздух пахнет...

— Воздух, как воздух... Выпускает краснохренское химобъединение.

— То есть как, выпускает?

— Да вы, похоже, переоблученные? — вдруг догадался лысый.

— А где же лес... речка? — зачастил писатель.

— Да их уж тут лет сто, как нету! — хмыкнул собеседник. — Химические дожди, космическое излучение, радиация с атомной...

— Радиация?

— Так ведь рвануло-то как! Не помните?

— Не-а...

— То-то и видно! Изобретатели! Лучше лезьте в жилмассив, — он показал на холмик, — а то точно загнетесь!

Сзади раздались удары молотка и сдержанная ругань: дед чинил чертов механизм.

— Слушайте, а кто сейчас Генеральный секретарь?

— Какой секретарь?

— Ну, кто руководит партией?

— Партией?

Вот черт! Похоже, лысый совсем не понимал. Писатель попытался разжевать вопрос торопливо стремящемуся в бункер потомку, и в результате кратких ответов составил для себя ужасающую картину. Оказывается, ни Генерального секретаря, ни партии, ни даже самого Советского Союза уже давно не существовало. Как не существовало и

растительности на бывшей территории России, которая оказалась полностью уничтоженной бесконтрольным развитием промышленности. На Поверхности теперь никто не жил из-за непрерывных кислотных дождей и жуткой радиации, прущей из космоса сквозь озонные дыры, и местной, родной — от взорвавшихся АЭС. Впрочем, под землей было не плохо — грелись угольком, пили подземную чистую воду, из нефти научились производить питательную органику... Насчет общей земношарной республики потомок ответить затруднился, но высказал предположение, что другие страны еще существуют... Впрочем, теперь это было неважно! Тут не то, что космос осваивать, самим бы не подохнуть!

Потомок полез в дверку, а писатель бегом кинулся к деду.

— Старик! — нервически закричал он. — Давай чини свой шарабан и вези, гад, назад!

— Сейчас, сейчас, Сергеич... — забормотал дед из под кресла. — Эх, усилитель полетел... вот горе-то!

— Давай, давай, делай быстрее!

Через час, собрав разбросанные детали и пришпандорив их к креслу, дед скомандовал писателю занять позицию.

— Мощности может не хватить... — бормотал он.

Клюковой не дожидаясь сигнала, с остервенением стал кидать уголь. Снова загудел огонь, зашипело и засвистело вокруг молниями. Дед едва успел вскочить в кресло, позабыв пристегнуться ремнем. На путешественников опять обрушилась чудовищная тряска. Из обступившей темноты били электрическиеразряды. Впрочем, писателю некогда было смотреть на них — он все внимание посвятил лопате. Где-то рядом трепыхался на сидении Антип... да впрочем, трепыхался ли?

Клюковой кинул вбок взгляд и обомлел: старика не было. Исчез! На каком-то крутом вираже истории его, похоже, вытряхнуло из кресла. Будь что будет, только и успел подумать Александр Сергеевич, как руль у кресла резко закрутился вправо, из печки ударил ослепительный сноп искр и снова, как в прошлый раз, чудовищный взрыв погрузил его в беспомощность.

Глава 8, в которой Чирик вовлекается в шпионскую деятельность агента 008

25 декабря в одиннадцать тридцать четыре по местному времени на улице Ворошилова в городе Краснохренске произошел взрыв. Среди бела дня, при ясной морозной погоде вдруг пыхнуло так, что

мгновенно образовалась круглая проталина диаметром около десяти метров, тотчас раздался хлопок, от которого вылетели стекла в оказавшейся по-соседству общественной бане номер три, повалил неизвестно отчего густой дым и на мостовой, а частично и на тротуаре, оказалось разбросанным большое количество металлических и деревянных деталей непонятного назначения. В самом же центре оттепели возникло чадящее двухместное зубо-врачебное кресло с бородатым очастым толстяком, одетым явно не по сезону — в летний коричневый пачканный костюм. Костюм местами дымился. А сам человек был невероятно измазан углем, имел всколоченные, а вернее сказать, дыбом стоящие волосы и до крайности перепуганный вид. Кресло постояло, раскачиваясь, пару секунд, после чего с треском накренилось и развалилось. Человек рухнул на парящий асфальт без сознания.

Результатом события явилось столкновение автомобилей «Волга» и «Москвич», выроненная гражданкой Йоркширской банка с солеными огурцами, уже упомянутые вылетевшие банные стекла и любопытные намыленные лица в образованных проемах. Да еще накренило висящий на пивном ларьке морально устаревший плакат «Пятилетке качества — рабочую гарантию!»

На тротуаре стали собираться люди.

— Что такое?

— Взорвали чего-то. Небось, опять учения!

— Какие учения? Диверсия!

— Ишь, полыхнуло... Слышь, Иван, глянь на баню!

Толстяк зашевелился и сел, озираясь по сторонам. Костюм продолжал тлеть. Было видно, что полы пиджака порядком попорчены огнем. Из толпы выдвинулся милицейский сержант, решительно подошел к толстяку и помог подняться.

— Какой год? — задал вопрос толстяк.

Сумасшедший, поняли в толпе.

— Какой надо! Вы что себе позволяете? — сержант тряхнул человека за шиворот. — Что за взрыв? Баню собирались уничтожить?

— Какую баню? — перепугался очкастый. — Ты мне скажи, год-то сейчас какой?

— Чего пристал к шизики? — слышалось из толпы.

— Так, все ясно! — сержанту все было ясно. Он включил рацию и стал вызывать патруль.

Налетевший снежный порыв заставил граждан попятать лица в воротники, парусом раздул пиджак очкастого и выхватил из прожженной полы две бумажки, которые полетели, кувыркаясь, вдоль улицы Ворошилова. Они долетели совместно до пересечения с проспектом Энгельса, где пути их разошлись: справка об уплате алиментов прилипла

к рекламной тумбе, а Чирик был пойман и мгновенно убран в телогреечный карман крепкой мужской рукой несоветского происхождения.

Агент британской секретной службы Джон Смит имел сложное задание. Первым делом следовало установить контакт с диссидентом Львом Киндерзоном. Далее было запланировано через него выйти на работников таинственного оборонного предприятия «Краснохренский протез», выяснить, что за продукцию оно изготавливает на самом деле, и, по-возможности, заполучить чертежи или какие-либо образцы. И, конечно же, самым главным было доставить все в Лондон.

Джон Смит находился в городе уже шесть месяцев и числился по паспорту Иваном Петровичем Сидоровым. Найти диссидента не составило труда, но возникли непредвиденные проблемы. Диссидент оказался чрезвычайно алчным. То, что траты предстоят немалые, в большом здании на Редженс Парк понимали. Отправляя Джона в командировку, вместе с командировочным удостоверением секретарша вручила ему также пачку советских денег, приведенных в нормальное рабочее состояние.

— Вы не должны скупиться, Джон, — напутствовал его шеф. — Деньги — и мы об этом знаем — способны творить чудеса. Здесь десять

тысяч. Киндерзон поднялся на борьбу с режимом из идейных соображений, следовательно, на него не придется тратить слишком много. Полагаю, хватит двух-трех тысяч. В России это — огромные деньги. Говорят, на них можно приобрести квартиру. Но вот с теми, кого удастся подцепить на крючок, может быть труднее. Смотрите по обстановке. Главное — не рискуйте. Этот концерн, по предварительным предположениям, действительно выпускает что-то секретное. Данные спутниковой разведки позволяют говорить о персонале в десятки тысяч людей. А!? С «Боингом» сопоставимо! В служебной переписке он фигурирует под обозначением «п/я». ЦРУ не исключает, что под видом ножных протезов Советы поставили на поток производство крылатых ракет воздушного базирования.

— Как «Томагавки»?

— Именно! И еще: экономно расходуйте таблетки против опьянения.

Хитроумная операция дала трещину уже в Шереметьево. Пресловутые таблетки Джон вез открыто, и когда таможенник ткнул в них пальцем, с чистой совестью пояснил, что это — средство от опьянения. Не наркотики, не запрещенные препараты или порнография, а безвредные пилюли. Да можно и попробовать. Хоть сейчас! Но таможенный офицер не стал вдаваться в

подробности. Он молча забрал все таблетки, и перешел к следующему гостю страны.

Между тем таблетки были одним из китов, на котором держалась операция «Протез». По разработанному сценарию Джону нужно было входить в контакт с русскими в пивных, забегаловках, кафе — словом, везде, где происходило распитие алкоголя. Эксперты считали, что лучше всего войти в доверие к русским через горлышко бутылки. Без таблеток операция становилась невероятно тяжелой: Джон понимал, что никогда не сможет пить с потенциальными информаторами на равных.

Установив под видом приехавшего из Москвы троюродного брата контакт с диссидентом, Джон понял, что насчет его бескорыстия Запад сильно ошибается. Идеальный борец с коммунизмом, ссылаясь на необходимость прописки, потребовал с агента тысячу рублей. Через день Киндерзон объявил, что на лечение больной плоскостопием матери, живущей в Талды-Кургане, ему срочно нужны еще две тысячи. Аппетиты диссидента росли быстрее, чем Джон успел устанавливать контакты. Ему приходилось дежурить у винных отделов, чтобы приобрести несколько бутылок омерзительного пойла. Ближе к вечеру Джон шел в одну из немногих оставшихся пивных, вынимал из штанины вонючую рыбью тушку, неумело чистил

ее и, запивая ржавым пивом, присматривался к окружающим. Для большей схожести со специфическим контингентом он брился только раз в неделю, душ принимал раз в две недели, обильно использовал нецензурные слова, а также. С помощью специального состава нанес на тело рисунки, имитирующие татуировки. В этом деле он руководствовался эскизами одного из работников посольства, который специально посещал городские московские пляжи на протяжении двух предыдущих лет.

Джон Смит имел: на веках — надпись «не буди»; на лбу — «раб МВД»; на груди — изображение горящего креста, обвитого колючей проволокой, с надписью «верь в бога, а не в коммунизм»; на правом плече — череп и скрещенные кости; на левом плече — пятиконечную звезду, пересекаемую надписью «смерть мусорам!»; на животе — окно с тюремной решеткой и страдальческой рожей, над которой вился лозунг «кто не был лишен свободы, тот не знает ее цены!»; на шее — портрет Ленина и слово «ВОР», на спине — громадную корону с карточными красными мастями (поскольку рисунок выполнялся на спине, пришлось за двести рублей привлечь диссидента). Кроме того, по конечностям агент набросал еще много синих текстов, таких, как «умерщвление — не убийство», «рожден для мук, в

счастье не нуждаюсь», «НИНА», «СЛОН», «КОТ» и так далее.

Знакомства удавались легко. После двух-трех кружек Джон приглашал нового знакомого в подъезд, где они поднимались на последний этаж, раскладывали на подоконнике газету и он вынимал бутылку напитка, вызывающего обильное бурление в желудке. Дальше шел легкий разговор о жизни, о собеседнике, о том, где тот работает, кем, что производит...

Проблемы особой не было, потому что русские, когда выпивали, сами говорили о работе, изредка соскальзывая в беседе на женщин. Уже несколько раз Джон знакомился с тружениками протезного объединения, но дальше того, что «...делаем, брат, такое!.. такое! Это ж просто ужас! Смерть! Ежели б на Западе это увидели, враз померли бы!..» дело не шло. Может быть, они настолько были верны своей стране, что даже в невменяемом состоянии не раскрывали военных секретов, может быть, в силу природной глупости не могли понять, что сами и производят, может быть, КГБ вело с ним коварную игру?

Джон не мог понять, что происходит, но месяц шел за месяцем, деньги летели в пивные кружки, каждый день он просыпался с головной болью и расстройством желудка, а тайна «Краснохренского протеза» по-прежнему

оставалась нераскрытой. Несколько раз его забирали в вырезвитель, дважды в пивных его просто били, так что несколько зубов Джона покинули насиженную обитель. Три раза его грабили. Деньги таяли, а ведь еще приходилось приобретать новые предметы туалета взамен рвущихся и загрязняющихся старых. Самым паршивым, однако, было то. Что незаметно для себя агент пристрастился к азартной игре в очко, которой как-то научили небритые электрики на одной из грязных вонючих блатхат. Он врал сам себе, уверяя, что в очередной раз идет играть только потому, что может встретить нужных людей. Он проматывал сотни и сотни за нелепыми разговорами о протезах, ступнях из нержавеющей стали и плане производства локтевых суставов. Затуманенный мозг забывал шифры и пароли, адреса явочных квартир...клички связников путались с кличками новых друзей. У него появились знакомые проститутки — неопрятные материнщицы со всколоченными волосами, называвшие его ласково «паханок». И хотя он все больше осваивался в среде и карточной игре в буру, деньги таяли просто катастрофически.

Собственно говоря, к этому времени их почти не осталось, а до выполнения задания было еще ой как далеко! Залетевший к нему в руку червонец Джон воспринял, как знамение свыше. Именно

сегодня, в день Рождества Христова, когда он шел с последними тридцатью пятью рублями стратегического запаса на квартиру Гунявой Вальки, где предстоял тяжелый бой в игру «сека», Господь одарил его своей милостью. Джон понял, что в операции «Протез» наступил перелом!

Чирик опустил в телогреечный карман, и сразу же кто-то хрипло прошелестел:

— Ба! В наше общество пожаловал новый гость! Соболаговолите предъявить вашу масть?

— Это вы мне? — обратился Чирик в неизвестность.

— Вам, дорогуша, вам! — снова зашелестел хрипый. — Из блатных будете? Или, прошу прощения, из фраеров?

— Не знаю, — смутился Чирик.

— Все ясно с карасем! — подытожил хрипый. — Трульник, займись!

— Айн момент, папа! — послышался тонкий глумливый шелест зеленой драной трехрублевки.

В свете, проникающем сквозь щель кармана, Чирик рассмотрел общество, в которое попал. Странные были тут деньги, очень странные! Большинство были замусоленными, рваными, покрытыми алкогольными пятнами, со следами грязи и имели запах смрадного табака вперемежку с грузинским чаем. За исключением одной

двадцатипятирублевки все остальные были рангом ниже Чирика. Однако вели себя по отношению к нему как-то недобро и вызывающе. Все, кроме разорванного почти напополам рубля. Тот, казалось, был безразличен ко всему.

Трульник между тем приступил к допросу Чирика:

— За что рога мочишь?

— Чего?

— Ну, за что взяли, дяляга сушеный?

— Кто? — опять не понял Чирик.

— Бля, сука, урою гниду! — вскипел Трульник. — Будешь жевать сено, враз тебе Шопена сыграю!

— Да он, видать, из гегемонов, — подала голос пятирублевка, от которой разило сушеной рыбой. — Слышь, дэшка, ты что, по фене ботаешь, нет?

Чирик подавлено молчал. Он не ожидал такого неуважения к себе от всякой заштатной рвани, причем — тут он заметил — в присутствии медной мелочи.

— Так, — опять зашелестела хрипло двадцатипятирублевая, — надо его куда-то определить.

— А к параше, к параше! — возликовал Трульник. — Там он быстро узнает, как бивня с тараканом корчить!

— Ша! Не кати баллон! Он все ж из червей, а не из фенек, так что не стучи бестолковкой. На параше у нас есть пока кому быть на приколе.

Чирик все никак не мог понять, что происходит? Вроде шелестят на понятном языке, а ни черта не разберешь!

— Пусть лежит, где лежит! — решил Папа. — Эй ты, слышь, Карась, расскажи обществу за себя. Кто такой, откуда, какую статью мотаешь?

— Да чего ж рассказывать, товарищи, — начал Чирик, — в будущем вот побывал, потом чуть не сожгли меня... Ветер дунул, я полетел, и вот к вам попал.

— Только не надо нам забивать гвоздя! — снова задергался Трульник. — Может, ты, фраер, зуб за два штифта? Может, тебя Семен подослал и ты нам сопли на уши вешаешь? Смотри, бродяга дальнего следования, лучше сразу разрой душу, а то прикастриюлю — мать родная не узнает! Враз очко запаяю!

— Ладно, увянь! — прохрипел Папа Трульнику. — Видишь, он еще короед зеленый, сам не поймет, за что в торбу посадили. Может, хозяин его быка выдоил, может, взял на рывок, может, пробил барабан... А он, алмазный наш, теперь очко рвет... Давай, Пес, дальше семафоры!

До Чирика наконец дошло: это, верно, и есть блатные, про которых он слышал еще будучи в

жестяной копилке у Прохвальчук. Вот как повернулась жизнь. Стало быть, и он теперь — зека?!

Словно издалека доносился шелест Пса:

— ... понюхали воздух — вроде все ништяк. Конторы на хвосте не видно, барсучата Дуньку Кулакову гоняют, гунчик с биксой-понтой барабан надувают... И тут фараоново племя загашник стало шмонать! Так мы ноги и замочили!..

Это было отчаянное повествование о том, как милиция вынула пятирублевку и один доллар из заднего кармана осужденного Лихоблудова по кличке «Попенгаген» и обменяла их на ручной работы кастет. Чирик был рад, что на него больше не обращают внимание и не грозятся запаять очко. Хотя он не знал, что сие значит, звучало неприятно. Весьма!

Так началась жизнь Чирика у агента Джона Смита, дела которого с этого момента резко пошли в гору. Придя на квартиру Гунявой, он сначала проиграл двадцать пять рублей. Однако, затем взял реванш последней десяткой. Потом выиграл пятьдесят, потом семьдесят два и закончил день, унося домой триста шестнадцать рублей, сорок одну копейку. С тех пор удача была на его стороне. Каждый день он приходил к Гунявой, которая искала все новых и новых клиентов, и каждый день в кампанию к Чирику прибывали новые мятые

личности. Азарт игры так захватил агента, что ему стало в высшей степени наплевать, что производит секретный советский завод, в каком количестве и насколько это угрожает свободному миру. Прошел Новый Год, за ним январь... В денежном тайнике уже не хватало места, и Джон организовал второе место для накоплений. В шутку он подумывал иногда, что советский режим гораздо проще уничтожить именно таким путем — лишить его наличных денег, заставить печатать новые ассигнации, а потом выбросить на рынок эти заработанные тысячи... Впрочем, это была только шутка. На деле у Джона уже был разработан план перевода рублей в доллары с дальнейшим бегством в Южную Америку. Там его ждало гигантское имение на берегу океана. Вот только заработать еще тысяч сто — двести!

Чирик постепенно усваивал уголовный лексикон, и сам становился манерами похожим на сокарманников. Вернее, не сокарманников, а сокоробников, поскольку в первый же выигрышный день Джон положил заработанные деньги в коробку из под холодильника «Норд», скрытую в подполе диссидента. С тех пор он только досыпал туда новые купюры. Чирик перестал бояться соседей, так как, во-первых, они могли грозиться только на словах, частенько сами не понимая, что они значат, а во-вторых, он сам уже стал старожилом, и в

нескольких стычках завоевал авторитет. Его теперь уважительно звали Налимом, хотя никто в кампании не знал, что это такое. Он участвовал в разборках, крыл матом надорванные «опущенные» купюры, давал снисходительные советы рублям-консулам, разрешал споры между трешками и пятерками. Даже новоприбывающие бугры дяди Володи-сторублевики, и те прислушивались к его мнению. И нередко можно было слышать в коробке грозный шелест Чирика-Налима:

— А ну, падло батистовое, с дороги, а то кадык вырву!.. Тише дыши, урлак бздильный!

Он уже стал мечтать о побеге. Он подбивал двух таких же шустрых червонцев подняться на верх денежной массы и дожидаться попутного ветра:

— Братва, в рот меня, если брешу! Ветер дунет — и захиляем по темной ленте! Чего нам тут делать, примочки на пуп ставить?

...В начале февраля коробка в очередной раз открылась, и тонкая рука диссидента схватила пригоршню ассигнаций, в числе которых был и Чирик.

Глава 9,

**в которой Чирик поднимается на борьбу
с тоталитарным режимом**

Инженер Лев Киндерзон диссидентом стал, если так можно выразиться, против своей воли. Осенью восемьдесят третьего отдел снабжения ватной фабрики города Краснохренска направил его на столичный шарикоподшипниковый завод договариваться о поставках. Когда Лев Давидович получал командировочные, к нему подошел холостяк Огурцов:

— Что, в Москву едете?

— В нее, родимую.

— Ну, как говорится, желаю... Не ударьте там в грязь лицом! — многозначительно и похотливо подмигнул Огурцов.

И Киндерзон впервые отправился в столицу. В Москве ему сказали решительное нет, причем в форме, которая делала бессмысленными дальнейшие переговоры. Инженер связался с Краснохренском, доложил ситуацию и получил команду отбыть домой. Надо сказать, что так обычно заканчивалось большинство командировок не только Киндерзона, но и других работников, и не только ватной фабрики. По всей гигантской державе ежедневно и ежечасно выезжали к смежникам и в главки сотни тысяч напряженных граждан с пузатыми портфелями, содержащими в себе: командировочное удостоверение; письмо, начинающееся обычно словами «В порядке оказания технической помощи, прошу...»; две-три

бутылки армянского коньяка «Арарат»; бритвенный набор; полотенце и несколько видов съедобной органики. У некоторых также хранились в заветном секретном кармашке дефицитные импортные (или презренные отечественные) презервативы — на всякий случай. Ежедневно и ежечасно сотни тысяч входили в ответственные кабинеты многочисленных предприятий тяжелой и легкой индустрии, искательно смотрели в глаза владельцев кабинетов, били себя в грудь, размазывали слезы по щекам и обещали горы золотые (а для начала — скромный ужин в ресторане), если можно будет изыскать возможность... И каждый день эти же сотни тысяч уходили не солоно хлебавши, с чувством выполненного долга шли по магазинам, возвращались в гостиницы, пропивали командировочные деньги и искали удовольствие в сомнительных знакомствах с необремененными моральными устоями гражданами. Сколько при этом терялось денег, не знал никто, но, кажется, это никого и не волновало. Начальство было озабочено лишь одним — полностью израсходовать соответствующие фонды, чтобы их не срезали на следующий год.

До ночного поезда у Киндерзона была еще уйма времени. Он решил скоротать его в кинотеатре (гулять по тесным московским улицам, на которые, к тому же, сыпал сырой ноябрьский

снег, совершенно не хотелось). Фильм был французский, с Жаном-Полем Бельмондо в главной роли. И все бы ничего, но только паршивое осеннее настроение инженера странным образом наложилось на бесшабашную комедию, в которой главному герою удавалось решительно все: драки, сделки с партнерами, женское внимание... пожалуй, он и насчет подшипников решил бы вопрос!

Киндерзон вышел на улицу после сеанса мрачный, но смелый. Только что он увидел, как решает проблемы настоящий мужчина. И главное, девки, язвы их в душу, льнут к таким! Два-три удара в ухо, обаятельная улыбка — и она уже растаяла. Киндерзон незаметно для окружающих пощупал свой бицепс, вернее то, что было обозначено под этим термином:

— Да... тренироваться надо начинать. Гирю купить... А пока, не зайти ли в кафе посидеть? Кстати, там можно и познакомиться!

Инженер нырнул в первое же попавшееся заведение, носящее название «Улыбка». И там, за облезлым липким столиком, неожиданно для себя он вступил на скользкую и тернистую дорогу борца с тоталитарным режимом. А получилось это следующим образом. За столик, который облюбовал Лев Давидович, внезапно сели двое интуристовцев и завели разговор на французском.

Живые иностранцы! Французы! Как Бельмондо, язви его в душу! Инженеру неодолимо захотелось поговорить с французами о Париже, Лувре, Булонском лесе и, конечно же, о француженках. Гулять так гулять, пронеслась шальная мысль. Жестом, точно повторяющим бельмондовский, он подозвал пожилую угрюмую официантку:

— Бутылку шампанского!

Интуристовцы насторожились.

— Господа французы, позвольте угостить вас!? — Киндерзон широко улыбнулся и сделал радушный жест. — Шерше ля фам!

Дальше последовала небольшая немая сцена, после которой господа на ломаном, но довольно чистом русском языке приняли его приглашение, и — более того! — сами внесли лепту в заполнение стола. Появилось еще шампанское, потом еще, потом Киндерзон достал из портфеля «Золотое кольцо»...

Через день в столичной газете была напечатана едкая сатирическая статья «Почем фунт Родины, Лева?», в которой был нелицеприятно вскрыт портрет мирового сионизма, руками французских лакеев ищущего недовольных рабоче-крестьянской советской властью в среде наших граждан. Автор заметки, дав уничтожительные характеристики моральному облику французских визитеров Пьера Карбо и

Бертрана Барко, особое внимание уделил личности некоего краснохренского «инженера» Киндерзона. По словам компетентных источников, давно контролирующей деятельность означенных выше идеологических диверсантов (являющихся, между прочим, внештатными сотрудниками «Голоса Америки», «Радио Свободы» и радиостанции «Свобода»), то, что они сели к Киндерзону, было далеко не случайно. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Начавшееся под видом простого знакомства возлияние быстро переросло в скандал, сопровождающийся антисоветскими высказываниями Киндерзона, такими как «что это за страна, где приходится все доставать, и ничего нельзя купить?!», «кругом мат, грязь и не одной путной бабы!», «хочу в Париж, к Бельмондо!», «видал я эту партию вместе с Леней в гробу в белых тапках!» и так далее. Потом диссидент стал стучать пустым стаканом по столу, требовать еще шампанского и вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана, крича, что самим жрать нечего, так еще этим помогаем! При дальнейшем обсуждении темы интернациональной помощи грубо высказывался в адрес Ким Ир Сена и Ясира Арафата. Хорошо конечно, писал далее автор, что на высоте оказались добровольные народные дружинники, доставившие антисоветчика в отделение милиции, но невольно задаешься

вопросом, откуда они берутся, эти киндерзоны, амальрики, буковские? Чего им не хватает в стране, которая дала буквально все, в стране, где каждый волен свободно дышать, имеет право на жилище, работу, отдых? И почему подобных «господ» столь рьяно поддерживают на Западе, крича о нарушении прав человека? Лучше бы обратили внимание на себя, господа, на положение негров и индейцев, завершил автор заметки разоблачение. А со своими отщепенцами мы разберемся сами!

Когда Киндерзон по приезду вышел на работу, он узнал, что уволен. Как злостного антисоветчика его лишили очереди на квартиру в райисполкоме, отключили телефон и вызвали в местное управление КГБ, где бледнолицый капитан зловеще пообещал ему вечное поселение в районе северного полюса.

— Учтите, Киндерзон, — вкрадчиво произнес капитан. — Тель-Авив далеко, а Магадан — рядом!

Киндерзон был напуган случившимся. Он жалобно заблеял, что это какая-то ошибка, что выпил, да... с кем не бывает... так ведь выпил-то с горя, что не удалось решить производственную задачу... ну болтанул чего по-пьяни... фильм, проклятый, спровцировал — давно пора запретить этот разлагающий показ зарубежной массовой культуры...

— Не юлите, Лев Давидович! — оборвал

капитан. — Чего отпираться, когда вон, в газете написали — «махровый антисоветчик», «сионист»?!

— Помилуйте! — взмолился Киндерзон. — Да какой же я сионист? У меня и в паспорте написано, что я русский... Да вот показать могу...

— Не надо! — жестко оборвал капитан. — Кто Вы есть, без всякого паспорта видно! Такие вот — всю жизнь на чужом хребте! Чуть что не так — готовы обгадить родную страну! Да вы в зеркало гляньте, гражданин Киндерзон! То же, мне, русский... Кстати, о ваших похождениях уже передала «Немецкая волна»! В курсе?

— «Немецкая волна»?

— Да, да... не прикидывайтесь овечкой! И так почти сорок лет водили нас за нос. Мне по Вашей милости строгача вlepили!

— Да я то при чем?

— При том! Теперь Вы — официальный диссидент. Но, прошу заметить, наше государство, как настоящее демократическое государство, не препятствует вам в свободных высказываниях. Мы свято блюдем третью корзину, так и передайте своим заокеанским хозяевам. Более того, Москва разрешила вам устроиться на работу сантехником, чтобы нас не обвинили в разрушении таланта еще одного будущего нобелевского лауреата. Может, вы, как и Солженицын, «великий» поэт?

— Да нет, — тоскливо ответил Киндерзон. — Какой из меня поэт...

— Все вы так говорите... Ладно, нынче у нас свобода. Не нравится советская власть — убивать не будем! И даже на лесоразработки не пошлем. Но держитесь в рамках! Диссидентствовать, так диссидентствовать!

— Товарищ капитан, да я не против власти...

— Хватит ныть! Сказано «противник режима»- значит, так тому и быть! Мы не против свободного волеизъявления — так и напишите.

— Куда написать?

— А это не моя забота! Мое дело ловить, ваше — писать. Все, свободны!

Так Киндерзон стал официальным диссидентом. Все попытки снять этот титул оказались тщетными, поскольку на Западе пошли круги, которые старательно поднимали французы. Ко Льву Давидовичу провели с его согласия подслушивающие устройства, в ванной комнате вмонтировали телекамеру, а в соседнем доме КГБ установил пункт наружного наблюдения. Этим власти не ограничились. Поскольку сам диссидент не предпринимал никаких шагов по правозащитной деятельности, и все время норовил отлынивать от исполнения обязанностей, пришлось обязать его во-первых каждодневно с шести вечера до двенадцати ночи прослушивать передачи

вражеских радиостанций (с обязательным представлением конспекта капитану Ершову), во-вторых, в свободное от сантехнических обязанностей время он был обязан писать разоблачительную книгу о Кагановиче, в-третьих, к нему стали направлять на дом всех недовольных, чтобы он выслушивал их и принимал конкретные меры. Недовольных, как правило, переправляли ему партийные и советские органы, и были эти люди, в сущности, обычными жалобщиками, требующими или бесперебойной подачи воды, или улучшения жилищных условий, или просто сумасшедшие с проектами строительства в Краснохренске метрополитена. КГБ также периодически устраивал для Киндерзона встречи с иностранными корреспондентами, и регулярные обвинительные кампании в областной газете «Краснохренский рабочий».

Проведя пару выматывающих лет, Киндерзон понял, что пора вешаться. Он, несомненно, привел бы намерение в исполнение, но этому воспротивились сотрудники компетентных органов. Синего Льва Давидовича сняли с намыленного провода и отвезли к Ершову, ставшему благодаря Киндерзону уже майором.

— Что ж Вы, Лев Давидович, — пожурил его отечески уже успевший полюбить кэгэбэшник. — На тот свет собрались?

— Устал, устал, — всхлипнул диссидент. — Верите ли, сил нет! Доканали они меня! Один уже в двадцатый раз приходит, жалуется, что ему в мозг передатчик вмонтировали... Лесбиянцев Николай... Да Вы и сами знаете!

— Знаем, все знаем! — закурил Ершов, пододвигая пачку Льву Давидовичу. — А вы как думали? Вы думали, так просто быть противником режима?... Всем тяжело!

— Не могу я... Устал... Дайте отпуск! А то снова повешусь! Или отравлюсь — мне терять нечего!

— Это вы бросьте! — забеспокоился майор. — Мы вас еще в «психушку» не сажали, да и вообще... Что скажут на Западе?

Киндерзон отрешенно смотрел в пол. Ему было плевать, что скажут на Западе. Впрочем, как и на Востоке!

— Ладно! — Ершов принял решение. — Я кое с кем переговорю... Сделаем вам передышку. В конце-концов, поработали вы неплохо, о нас уже знают, пишут, говорят.

С кем решал вопрос майор, неизвестно, но в тот же день из квартиры Льва Давидовича убрали телекамеру, из дома напротив сняли наблюдателей, и перестали гнать к нему ходяков. По поводу радио ничего не сказали, так что диссидент, на всякий случай продолжал слушать «Голос Израиля», хотя и

сократил продолжительность сеанса.

Наступила тихая благодатная жизнь. В прессе прекратили склонять его фамилию, соседи снова начали здороваться, дети перестали рисовать на заборе его лицо

... И тут приехал Джон Смит! Лев Давидович оказался в странном положении карточного игрока, который играет в вист, но не знает, кто его партнер? Он не мог уразуметь, то ли Джон Смит настоящий шпион, то ли он подослан КГБ, которое таким образом поддерживает его диссидентский статус... Идти в серое здание с вопросами не хотелось категорически — слишком уж неудобно там было. Лев Давидович решил положиться на волю волн, и поплыл по течению. Однако он постарался извлечь максимальную выгоду из создавшегося положения.

В первый же день появления мнимого брата он затребовал с него тысячу рублей, якобы на прописку. Легкость, с которой тот отдал деньги, убедили инженера-слесаря в правильности выбранного пути, и он впервые почувствовал прелесть в своем диссидентстве. В дальнейшем он регулярно стал требовать деньги с этого неопрятного небритого матерщинника. Вообще, агенты в представлении Киндерзона, которое он почерпнул из зарубежных фильмов, должны были быть красивыми, элегантными, никогда не пьянеющими суперменами. Тип же, выдающий себя

за агента 008, был вечно пьяным блатным субъектом, покрытым наколками, как павиан — шерстью. Каждый день он с утра уходил сдавать пустые бутылки. Возвращался уже поздней ночью.

В конце года мнимый брат совсем опустился, стал клянчить у диссидента взаймы, домой приползал, горланя матерные песни, на справедливые нарекания реагировал грубо, обещал разбить морду об унитаз, грозился «выключить счетчик», «отловить тушканчика», явно имея в виду личность Киндерзона. Самого Льва Давидовича обзывал «дохлой рванью», «барисраелом», «помидором». Двадцать пятого случилась крупная ссора. Встав с утра пораньше, агент опохмелился и разбудил Льва Давидовича:

— Вставай, мешком пуганный! Оттопырь локаторы — идея есть!

— Что это Вы ни свет ни заря шумите! — завозмущался диссидент.

— Не гони пургу, кореш! Не хошь, чтоб я тебе галстук повесил — уклонься!

— Дайте поспать, ради Бога! И так до трех ночи со своей потаскухой на кухне танцевали!

— Гунявую не трожь, суслик! Мы с ней кишку били, понял?

— То-то холодильник пустой!

— Ха-ха-ха! Молчать! Я здесь масть держу! Сегодня, как стемнеет, пойдем лебедей мочить!

— Каких лебедей?

— Пьяных, по-вашему.

— Подите к черту!

После этого разговор утратил цивилизованные формы. Пьянчуга огрел диссидента сапогом по лицу, оставив на лбу болезненную вмятину, и удалился, громко обещая вытряхнуть требуху.

Оскорбленный Киндерзон понял, что надо действовать. Толку от агента уже не было никакого, в смысле — денег. Весь день он обдумывал план, и к вечеру принял решение. Как только пропойца заснет, связать его и пойти доложить в КГБ. Дальше пускай делают, что хотят. Если это настоящий резидент — спасибо скажут. А если подосланный провокатор — пусть забирают. В конце-концов, на физические оскорбления он не согласен!

Но, на удивление Льва Давидовича, в эту ночь лжебрат вернулся раньше обычного, трезвый и, как ни парадоксально, корректный. Он извинился за утренний дебош, пообещал впредь не допускать подобных эксцессов, и напоследок вручил Киндерзону сто рублей.

— Это только начало!

После этого жизнь пошла более приятная. Каждый вечер шпион приходил к Киндерзону и выдавал сотню. Он перестал выражаться и резко сбавил потребление спиртного. Несомненно, что-то

случилось. В середине февраля Киндерзон проследил шпиона и обнаружил его тайник. Пару недель он размышлял о том, сможет ли 008 обнаружить там пропажу, а потом решил, что нет, в таком скопище ассигнаций это дело невероятное, и ночью, когда после напряженной карточной игры Джон Смит спал, взял из тайника несколько разноцветных бумажек.

К этому времени у Льва Давидовича скопилось уже их много... но лишние деньги никогда не бывают лишними!

Лев Давидович прошел в свою комнату и зажег свет, чтобы подсчитать выручку. Ну что ж, неплохо для среднего советского работника — сто пятнадцать! Он положил их в стол, запер его, а ключ повесил под подоконник.

Глава 10, в которой Чирик знакомится с работой «Союзпечати», посещает краснохренский универмаг и оказывается на улице

В один из последних метелистых февральских дней в окошечко киоска «Союзпечати», что на улице Павших борцов, просунулась тонкая мужская бесперчаточная рука с зажатой десяткой, и слабый

баритон, отчетливо не выговаривающий букву «р», попросил выдать газеты «Краснохренский рабочий», «Правда», «За рубежом» и журнал «Политическое самообразование». Вместе с наглой рукой в окошко вошла стужа зимы, отчего хозяйка киоска — Тамара Васильевна Полено — ощутила сильнейший дискомфорт. Опять приперся, диссидент чертов! Нет, чтобы дома сидеть, или на производстве вкалывать, так таскается по киоскам, отрывает людей от дела...

Тамара Васильевна была очень занята. Перед ее глазами лежала еженедельная городская газета «Молодой краснохронец» — орган горкома комсомола, где на последней странице шло интереснейшее повествование о недавно имевшем место в городе случае. В называвшемся «Где ты был, Александр?» материале рассказывалось о том, что 25 декабря минувшего года младшим сержантом В. Общагайло был слышан взрыв на улице Ворошилова. Немедленно прибыв туда, он обнаружил неизвестного бородатого мужчину, не помнящего своего имени, фамилии, а также не знающего, какой на дворе год. При дальнейшем расследовании удалось выяснить личность потерпевшего, оказавшегося известным в прошлом писателем-фантастом Клюковым, при таинственных обстоятельствах исчезнувшим летом из колхоза имени 17 партсъезда Новоленинского

района...

— Газетки-то дайте, товарищ киоскер! — донеслось снаружи киоска.

Вот негодяи! Шляются по киоскам в такую погоду! Впрочем, известное дело — еврей! Полено вздохнула и с неудовольствием стала отбирать образцы печатной продукции.

— Чем газетки читать, лучше бы на заводе вкалывали! — злобно напутствовала она напоследок единственного за день покупателя. То, что он был единственным, ее нисколько не печалило, а наоборот... Вообще, в провинциальном Краснохренске газеты читали мало, поскольку писалось в них, в сущности, об одном и том же: борьбе за качество, аттестации рабочих мест, новой Программе КПСС, о животноводстве — ударном фронте, среднеранних сортах и гибридах, кормовых полях, структуре посевов и их продуктивности, об освобождении В.В. Федорчука от должности, о назначении первым секретарем МГК т. Ельцина Б.Н., о встрече Горбачева с Рейганом, о вожде американских индейцев Леонарде Пелтиере, о сотрудничестве США и Китая в военной области. «Краснохренский рабочий» также изредка публиковал письма, начинающиеся словами «С чувством глубокого презрения узнали мы о новых антисоветских высказываниях так называемого «правозащитника» Киндерзона...» Да на второй